

The background of the cover is a deep blue, starry night sky. In the center, a man and a woman are depicted. The woman, on the left, has long, flowing silver hair and is wearing a dark blue, backless gown. She is looking over her shoulder towards the viewer. The man, on the right, has dark hair and is wearing a white, ruffled shirt and a black eye mask. He is looking towards the woman. They are surrounded by green foliage with small white flowers. The overall mood is romantic and mysterious.

Мика Ртуть

ЖЕНА
ПРОКЛЯТОГО
КНЯЗЯ

ИДДК

Мика Ртуть

Жена проклятого князя

«ИДДК»

2019

Ртуть М.

Жена проклятого князя / М. Ртуть — «ИДДК», 2019

Просила новую жизнь? Получай. А то, что она в новом мире, с нелюбимым мужем и отвратительной репутацией – это твоя вина, нужно было чётче формулировать желания. А теперь сожми зубы, возьми в попутчики Оптимизм и Везение и карабкайся наверх, Матильда Волкова, жена проклятого князя, и кто знает, может быть, на вершине тебя ждет счастье.

© Ртуть М., 2019

© ИДДК, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1, о дивном новом мире	11
Глава 2, о чудесах в решетке	17
Глава 3, задом наперед, все наоборот	26
Глава 4, бизнес и ничего личного	36
Глава 5, о гениях и злодеях	43
Глава 6, безумству храбрых	49
Глава 7, о ветре перемен	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мика Ртуть

Жена проклятого князя

Пролог

Калининград, наше время

– Сдаем работы, господа студенты! – Ольга постучала указкой по столу, привлекая внимание рьяно списывающих из Сети двоечников. – Время вышло. К следующему занятию жду от вас рефераты на тему «Положение женщины во Франции XVIII века».

Аудитория недовольно загудела, но Ольга не обращала на это внимания. Четвертая пара окончена, можно наконец-то домой. А сегодняшние работы она проверит завтра на больничной койке, все равно там совершенно нечем заняться.

– Оль, ты идешь? – В аудиторию, в которой копался последний зазевавшийся оболтус, заглянула Юля Михална с кафедры иностранных языков. – Мы с девочками уже тебя ждем!

– С днем рождения, Оль Санна! – Проходя мимо ее стола, студент робко ей улыбнулся, отчего невыразительное лицо стало почти симпатичным, положил на край стола открытку с шоколадкой и покраснел до самых ушей.

– Спасибо, Волков, – кивнула Ольга и строго добавила: – Мне приятно, но подхалимаж не избавляет тебя от написания реферата.

– Я и не думал, Оль Санна, – покраснев еще сильнее, пробормотал тот и ретировался.

Ольга ностальгически вздохнула. Тридцать восьмой день рождения, возможно, последний. И если бы она не была такой трусихой, у нее уже вполне мог быть сын примерно такого же возраста, как этот Волков. Милый глупый мальчик, он, похоже, считает ее почти ровесницей и пытается ухаживать. Было бы смешно, если б не было так грустно.

– Ох уж эти студенты, – неодобрительно покачала вслед Волкову Юль Михална.

Она была на шесть лет старше Ольги и имела в анамнезе трех мужей и двоих детей. Обычно Ольга, глядя на нее, только радовалась, что не взвалила на себя такую обузу, но иногда, как сегодня, отчаянно завидовала. О чем Юль Михална была прекрасно осведомлена.

– Дети, – вздохнула Ольга.

– Ну и роди, наконец, своего. Всего-то тридцать восемь, люди и в сорок рожают.

– Может, и рожу, если мне на этой неделе не велят белые тапочки закупать, – улыбнулась Ольга. – Вдруг я приду к доктору, а он обзовет меня симулянткой? Тогда точно рожу.

– Не накаркай, тьфу-тьфу-тьфу, – проворчала Юль Михална, вздохнула и бодро велела: – Пошли уже, девочки заждались!

Ольга сунула шоколадку и открытку в сумку и вышла из аудитории не оглядываясь. Почему-то сегодня уже в который раз ее посещала мысль, что она может никогда больше не увидеть ни родной исторической кафедры, ни родных и привычных оболтусов-студентов. С какой стати – непонятно! Всего лишь плановая операция, ничего страшного. Пережила четыре, переживет и пятую! Вообще, может она еще и ребеночком обзаведется. Не родит, с пороком сердца и в ее возрасте это будет самоубийством, а вот взять из детдома еще вполне можно.

И почему в молодости она была такой глупой? Боялась влюбиться и разочароваться, боялась причинить близким горе своей внезапной смертью – врачи с завидным постоянством обещали ей еще несколько лет, не больше. Боже, если бы у нее был шанс начать все сначала! Она бы не боялась всякой ерунды, она бы использовала этот шанс на полную катушку!

Обычно наркоз походил на маленькую смерть. Вот она лежит на столе и считает: десять, девять, восемь... темнота... И через мгновение – палата, белый потолок, шум деревьев за окном и понимание того, что она опять жива. Все закончилось хорошо.

В этот раз было совсем иначе. Может быть, в честь пятой, юбилейной операции?

Привычно досчитав до восьми, она уже готова была отключиться, но вместо знакомого черного провала почему-то плавно скользнула в яркий, реалистичный сон. С запахами, звуками и ощущениями.

«Странное дело, – подумала она, с любопытством разглядывая чужую захламленную комнату, – мне почти никогда не снятся такие сны. Наверное, новый препарат?..»

Комната была будуаром. Маленьким, тесным и темным. Большую часть занимала разобранная кровать, еще умещался туалетный столик с кувшином воды и какими-то баночками-скляночками, и деревянное корыто, явно исполняющее роль ванны. Платяного шкафа не было, только несколько вбитых в стену гвоздей с висящими на них платьями. Дешевыми и донельзя вульгарными.

Сама Ольга тщательно красила брови перед мутным зеркальцем. Ужасно красила, в точности как пэтушница из рабочего района. Да и лицо ее не обезображивал интеллект. Но, если сделать допуск на слой отвратительно дешевой и яркой краски – личико было милым и свежим.

«Шлюха, молоденькая, век примерно восемнадцатый», – навскидку определила Ольга и продолжила наблюдать. Потому что в этом сне она не была сама собой и ровным счетом ничего не могла сделать, даже поправить криво нарисованную бровь.

А девица тем временем поддернула корсаж, чтобы небольшая грудь выглядела аппетитнее, и, задрав юбку, нацепила на левую ногу алую подвязку с бантиком. Стоит ли упоминать, что чулки у нее были черными, туфли грубыми, зато на высоком каблуке, ноги плохо вымытыми, а белье отсутствовало вовсе?

– Мими! Где тебя носит, дрянная девчонка? – отвлек ее от созерцания собственной красоты визгливый голос бордель-маман. – Князь ждет! Слышишь ты меня?

– Да, мадам! Я уже готова! – одернув юбку, Мими вскочила, сделала пируэт и распахнула дверь перед сухощавой, вызывающе роскошно (по меркам Мими) одетой женщиной.

– Князь выбрал тебя как самую милую и самую невинную розочку нашего заведения! – прозвучало это как «самую глупую курицу». – Князь желает повеселиться, а для этого – жениться!

– Ой, жениться? – Мими в недоумении прижала ладони к щекам. – По-настоящему жениться?

– Нет, конечно же, дурында! В шутку! Кто же женится по-настоящему на шлюхе! Князь упились в хлам и желают напугать батюшку. Священника и нотариуса тоже напоили. Ну, что стоишь? Иди скорее, пока князь не женился на комодке! – Мадам ухватила растерявшуюся Мими за плечо и вытолкнула в узкий коридор, едва освещенный вонючими светильниками.

– Бегу, мадам, уже бегу! – Мими, подхватив и без того короткую юбку, помчалась на звуки пьяного веселья.

– Смотри, не подведи меня! И чтобы завтра утром без разговоров подписала развод!

– Зачем, мадам, если это и так в шутку? – Мими аж остановилась за пару шагов до выхода на лестницу.

– Затем что князь так желают, дура! Князь за тебя уже заплатил, беги и не задавай глупых вопросов. Твое дело – ублажить их светлость так, чтобы их светлость оставили у нас побольше денег. Сделаешь все хорошо, новое платье тебе куплю!

– Ой, красное, хочу красное с черным кружевом, как у Лулу! – обрадованно запищала дурочка и понеслась навстречу приключениям.

«Клиническая идиотка, – констатировала Ольга. – Могла бы поиметь с княжьей шутки неплохой доход, но мозги здесь и не ночевали».

В гостиной борделя, традиционно оформленной в бордо и фальшивую позолоту, творился естественный для заведения пьяный бедлам. Священник с нотариусом, оба красноносые и косые, в обнимку распевали непристойную песенку (ужасающе фальшиво), им подпевали трое в зюю пьяных молодчиков разной степени раздетости. Несколько полуголых девиц вертелось вокруг, предлагая свои услуги. А посреди бедлама высокий светловолосый мужчина в расстегнутом гусарском мундире и почему-то одном сапоге размахивал пустой бутылкой и спорил с невидимым батюшкой. Хотя нет, почему невидимым? Роль батюшки успешно исполнял торшер. Явно чем-то был похож на князя.

– ...указывать мне, старый ты мерзавец! С кем хочу, с тем и играю! Настоящие гусары никогда... Ах ты, трухлявый пень! – внезапно завопил князь и треснул бутылкой по торшеру. Тот предсказуемо рухнул (и по счастью погас), а князь рухнул рядом на колени и, размазывая пьяные слезы, принялся причитать: – Убился, что ж ты убился-то, батюшка? Долгов не отдал, поместье матушке не отписал и вдруг убился! Ай, батюшка...

– Князь, князь Волков! – позвала его мадам, оттолкнувшая с дороги Матильду. – Ваша невеста пришла! Жениться-то будете?

– Буду! – Князь вскочил, пошатнулся и схватился за нотариуса. – Видишь, батюшку от моей женитьбы уже кондратий хватил! А что кондратий? Велел жениться – я женюсь! Ах, моя дорогая невестушка, моя Мими, ты прекраснее всех на свете!..

– Да это ж комод, князь! – Мадам оторвала его от предмета мебели, который князь уже принялся покрывать страстными поцелуями. – Вот ваша невеста, Матильда Сатье! Иди сюда, дура, что глазами хлопаешь!

– Я туточки, ваша светлость! – Мими (она же Матильда Сатье) совместно с мадам оторвала князя от комода, и он тут же облапил ее и уцепился за торчащую из корсажа грудь. – Ай, да вы шалун!

– Я твой муж! А ты теперь княгиня Волкова, запомнила, детка? Ну-ка, повтори!

– Я теперь княгиня Волкова, – радостно смеясь, повторила Мими. Ей все происходящее казалось отличной шуткой. – Княгиня из борделя!

– Достойная жена! Я за прогрессивную демократию! – во всю луженую глотку завопил князь, сверкая покрасневшими голубыми глазами.

«А ведь мог бы быть красавцем, – подумала Ольга. – Если бы был трезвым».

– Виват! Да здравствует демократия! Да здравствует княгиня Мими! – нестройно поддерживали его собутыльники и так же нестройно запели что-то, долженствующее изображать свадебный гимн.

Нотариус достал из-за пазухи какую-то мятую бумагу, Матильде в руки сунули перо, и она старательно нарисовала кривой крест вместо подписи. А Ольга опять подумала: что-то брачный контракт слишком похож на настоящий. Странная шутка. А девица – клиническая идиотка. Вот же написано: вдовья доля десять тысяч рублей золотом, вот обязательство...

Прочитать дальше Ольга не успела, наконец-то провалившись в темноту.

Владимир, столица России

Андрей Волков

Из тяжелого сна его вырвал поток вонючей воды в лицо. Невольно облизнув губы, Андрей сморщился и сплюнул:

– Merde! Степка, что творишь!

Денщик не ответил, только послышался жестяной звон ведра и шаги, отдающиеся вспышками боли в голове. Гнилостный запах лез в ноздри, горло саднило, во рту словно полк гусар ночевал. Все тело затекло до бесчувственности.

«Надо ж было так надратся, – мысли шевелились с крайним трудом, – чтобы заночевать в конюшне! Или не в конюшне? Пахнет уж больно гадостно».

С трудом пошевелив рукой, Андрей услышал металлический лязг. Руку что-то держало.

– Твою мать, – прохрипел он, разлепив глаза и обнаружив на руках кандалы. – Твою мать...

– Очнулся, ваше превосходительство, – донесся до Андрея незнакомый, сиплый и подобострастный голос.

Превосходительство? О нет! Только не отец!

Подняв голову, Андрей глянул вокруг... и промолчал. Все это слишком походило на дурной сон: серые склизкие стены, ржавый крюк в потолке, зарешеченное и не застекленное окошко, из которого сочился мутный утренний свет. Грязь. Вонь. Кандалы. Над Андреем – мужичонка в серой форме Второй (Смирной) Жандармерии, со связкой ключей на поясе и пустым ведром в руках.

– Выйди. – От приказа знакомым тихим голосом Андрей вздрогнул.

Господи, пусть это будет сон! Прошу тебя!

– Четверть часа, ваше превосходительство. Через двадцать минут смена.

Мужичонка, поклонившись куда-то в сторону, ушел. А Андрей зажмурился. Всего на миг. И сумел прямо встретить отцовский взгляд. Как всегда – холодный и презрительный. Впрочем, сегодня презрение переливалось через край.

– М-да, – уронил князь Михаил.

Несколько мгновений в камере висела давящая тишина. Андрей судорожно пытался вспомнить, как он здесь оказался, а главное – за что? Последним, что он помнил, была свадьба с франкской шлюхой. Мими, Коко, или как ее там? Демон бы помнил! Но не мог же отец запихать его в тюрьму за невинную шутку? И тюрьма явно не франкская, а русская. Наверняка столичная, Владимирская.

Проклятье. Как?!

В животе шевелился ледяной ком, норовил схватить щупальцами за горло.

– Нечего сказать? – так же тихо и тяжело уронил отец и слегка пнул Андрея по ноге. – Поднимайся, бесстыжий выродок.

– Ты перестарался с воспитательными мерами, папенька. – Холодное равнодушие далось Андрею тяжело. Но не показывать же отцу свой страх!

– Не достарался. Драть бы тебя на конюшне, да поздно.

Стараясь ровнее держаться на ногах и не морщиться от тошноты и головной боли, Андрей поднялся. Зазвенели кандалы на руках, скрепленные цепью с ножными.

Вот тут страх захлестнул его с головой, смял, выдавил дыхание. Каким бы «золотым мальчиком» ни был Андрей, даже он знал: в России так сковывают лишь каторжан и смертников. После приговора.

Господи. Господи! Что происходит? Как? За что?!

– Объясни наконец, – едва удерживая голос от дрожи, спросил Андрей. – Неужто я так плохо исполнил твое повеление, что заслужил каторгу?

Отец побледнел, вздрогнул и шагнул к нему, замахнулся...

Оплеуха обожгла лицо, сбила с ног – Андрей упал бы, не будь за его спиной стены. Зато в голове прояснилось. И стало совершенно понятно, что это все – не сон.

– Ах ты, мразь. Пытаешься свалить свои грехи на меня? Гаденыш! – Отец снова замахнулся.

– Прекрати! – Андрей попытался выставить руки вперед, но цепь была слишком коротка, так что он снова едва не упал. – Проклятье... Хватит драться! Подумаешь, женился на Мими, что ты взбеленился? Вот бумаги, кстати. Ты же велел жениться, я и женился.

Он нес какую-то чушь, зачем-то совал отцу найденные за пазухой бумаги, а в голове было пусто-пусто, ни одной связной мысли.

– Ты... – отец нахмурился, забрал бумаги и отступил с таким видом, словно ему противно не то что касаться, а дышать одним воздухом с сыном.

Что ж, Андрею тоже было противно дышать тюремной вонью. Но не он себя сюда запихнул! И не набедокурил он на тюрьму, ни разу! Они с Морисом только собирались кое-что про-вернуть, что непременно должно было достать старого пня до самой печенки, но не до такой же степени!

– Я, папенька, я. Твой сын. Забыл, как я выгляжу?

– Лучше бы забыл. Ты... – Князь Михаил сжал кулаки и заложил их за спину. – У меня теперь только один сын, Ярослав. Слышишь? Ты, убийца – мне не сын!

Андрей пошатнулся безо всяких оплеух. К тому, что достойный и любимый сын у князя Михаила только один, младший – он давно привык. Но что он сам – убийца? Никогда!

– Ты с ума сошел. Никого я не убивал!

– Замолчи, я не желаю слушать твою жалкую ложь. – Голос князя снова был тих и тяжел. – Я здесь только из-за твоей матери. Аурелия плакала и просила за тебя, ошибка природы. Поэтому тебя не казнят.

– Казнят?..

Нет, это сон. Это не может быть правдой! Не может!..

– Последний раз я спасаю твою негодную шкуру, Андрей. Дай руки, – велел отец, доставая из кармана ключ и шагая к нему.

Поворот ключа – и кандалы упали с рук, а князь протянул ключ. Мгновение Андрей не мог сообразить зачем и только потом опустил взгляд на ноги. Выругался под нос по-франкски. Присел, опираясь на стену, отпер замок на ножных кандалах. Поднялся, отдал ключ.

– Иди, – отец махнул на тяжелую металлическую дверь.

– Кого я убил и когда? – Андрей встал напротив него.

– Не притворяйся агнцем господним, – нахмурился отец.

– Я не притворяюсь, демоны тебя разрази! Я никого не убивал! Никогда! Даже на дуэлях!

– Хватит, Андрей. Твоя ложь уже не имеет смысла. Тебя нашли рядом с убитым сыном Всеблагот Радетеля, пьяного вдрызг, в крови. Твои дружки не посмели тебя выгораживать. И если бы не твоя мать...

– Я пальцем его не трогал, клянусь!

– Замолчи, – хмуро покачал головой князь Михаил. – Поздно клясться. Все поздно.

– Но...

– Радетель успел к его величеству Николаю раньше меня, – открывая дверь камеры перед Андреем, сказал отец. – Твой приговор подписан и обжалованию не подлежит. За участие в запрещенной дуэли и убийство тебя предали анафеме и казнят сегодня в полдень.

– В смысле казнят? – Андрей оглянулся на покинутую камеру. – Ты же...

– Я не просил помилования для тебя. Лишь возможность проститься.

Отец сказал это так спокойно, что Андрей не сразу понял, что именно. А когда понял – едва удержался, чтобы не завывать. Отец даже не просил о помиловании. Не просил. Он просто выбросил неудачного сына из своей жизни, как бракованного щенка из помета породистой суки.

Он не пожелал разобраться. Выслушать. Действительно, зачем? Андрей – бездарное ничтожество, от него никакого толку для семьи. Он все и всегда делал не так, в отличие от младшего брата. Вот Ярослав – тот достойный сын. Если бы его нашли рядом с трупом, отец

бы приложил все силы, чтобы спасти кровиночку, свою гордость и надежду. А Андрей... что Андрей? Нет такого сына у князя Волкова. И не было.

Проклятье.

И что теперь? Отец лично отвел его на казнь?

– Что теперь, отец?

– Не смей меня так называть, – холодно отозвался тот, остановившись перед очередной дверью. – Выходи, Андрей. Тебя ждет портал во Франкию, у поверенного семьи возьмешь деньги. При разумном использовании тебе хватит, пока не найдешь службу. Больше ты ничего от меня не получишь, даже не пытайся. Явишься ко мне или к матери – отправишься на плаху. Назовешь имя, с которым был рожден – сгоришь заживо, сам знаешь, как действует анафема. Пока же вместо тебя казнят бродягу. А ты исчезнешь. Прощай.

Дверь со скрипом отворилась, и Андрея толкнули в темную комнатку. Он обернулся:

– Отец!.. – и осекся. Дверь захлопнулась перед его носом.

– Прошу, сударь, – раздался незнакомый голос. – Ваш портал.

Человек в темном плаще, скрывающий лицо под капюшоном, сделал какие-то пассы, и в воздухе зависло мутное овальное зеркало. Что-то затрещало, заискрило, в зеркале проступили контуры бедных домов и куч отбросов.

– Где это? – спросил Андрей, отступая к двери.

– Брийо. Идите скорее, сударь. Портал продержится не более минуты, – сказал незнакомец... и исчез.

Демонов маг! Демонов отец! Проклятье! Куда они хотят его запихнуть?! Вот в это дерьмо? Прямо в сточную канаву?! Не может такого быть! Не может, отец не мог...

Тут за его спиной послышались шаги, звон ключей, голоса... Обыденные, усталые голоса тюремщиков, рассуждающих, нужен ли смертнику последний обед. Все равно ж помирать, и не скажет он никому. А тут живые люди голодные сидят, жалованье-то крохотное, а семья большая. Так, может, и не надо убийцу обед нести? Чай, пропадет еда зазря, бывший князь-то сдохнет в полдень. А Единому неудобно, чтоб хорошая еда пропадала.

– Не дождетесь, сукины дети, – буркнул под нос Андрей и шагнул в мерцающий портал.

Глава 1, о дивном новом мире

Черт знает где, черт знает когда, черт знает кто

В этот раз она просыпалась от наркоза легче и быстрее, чем раньше. Вместо привычного уже постепенного выплывания, словно со дня моря, она просто проснулась. На удивление почти ничего не болело, разве что слегка саднило в промежности. Даже в руке, где должна была быть капельница, почти ничего не чувствовалось.

Не открывая глаз, Ольга на пробу пошевелила пальцами рук, затем ног. Прислушалась. И только тут до нее дошло, в чем еще странность.

Запахи!

Даже не запахи, а вонь! Вместо положенных хлорки и лекарств – пот, перегар и черт знает что еще, не менее отвратительное.

Ожидая привычной сухости и тумана, Ольга раскрыла глаза... и снова закрыла. Что-то с палатой было не то. Ладно, запахи могут и померещиться после наркоза, но паутина на дощатом потолке и пыльный алый балдахин-то откуда?

– Сестра? – позвала она и осеклась. С голосом тоже было что-то не то.

Никто не отозвался, зато где-то рядом слышалось сонное сопение, что-то заворочалось, запах несвежего тела и перегара усилился. Правда, почему-то уже не казался отвратительным, а каким-то привычным, что ли.

Лежать и гадать, что так или не так, Ольге показалось бессмысленным, и она открыла глаза. Щелястый потолок и грязный балдахин никуда не делись. Чертовщина? Или сон? Решив, что логичнее считать внезапные перемены в интерьере сном, Ольга оглядела комнату. Небольшую, с полукруглым мутным окном в частом переплете, с грязно-розовыми обоями в цветочек, почти без мебели, зато с «живописью» на стене. Две картины изображали непристойные оргии, как их видели веке этак в восемнадцатом, и рисовал их явно одноглазый рукожоп.

Но самым интересным в этом сне была не живопись, а сосед по кровати. Когда Ольга пошевелилась, он засопел, заворочался и попытался закинуть на нее руку. Машинально ее оттолкнув, Ольга села на кровати и сделала еще парочку открытий. Первое – что спала она не в ночной рубашке, а почему-то топлесс, в некогда белой юбке (судя по виду, нижней) и одном чулке со сползшей на щиколотку алой подвязкой. Второе – что незнакомец, просыпающийся рядом с ней, тоже наполовину раздет. Расстегнутый коричневый сюртук и несвежая белая рубашка на нем были, а все остальное отсутствовало. То есть валялось на полу неопрятной кучей, со вторым ее чулком поверх всего. Почему-то голые мужские ноги, поросшие русым волосом, так и притягивали взгляд. Как современное искусство на грани прекрасного и отвратительного. Лица мужчины она не видела, оно было прикрыто подушкой и растрепанными русыми прядями. Довольно редкими – мужчина явно рано начал лысеть, да и фигурой не походил на топ-модель: полноват, рыхловат. Зато рука, сейчас обнимающая подушку, была красивая, благородных очертаний, чистая и без мозолей. И с перстнем-печаткой, какой-то темно-зеленый камень в золотой оправе.

Вспомнился первый сон – и этот же мужчина, тогда еще одетый. Кажется, именно он давал ей бумаги на подпись, а бордель-маман называла его нотариусом.

Переведя взгляд с мужчины на себя, Ольга почти не удивилась, обнаружив вместо своего тела чужое. Молодое, стройное и изящное, с грудью третьего размера. Ее собственное тоже было вполне себе, вот только постарше, более плотное и почти без груди. То, что вежливо называется «спортивным» сложением.

Ощупав свое лицо, Ольга убедилась, что кожа у нее гладкая и свежая, если не считать жирных пятен от наверняка потекшей косметики. С шеей все было не так хорошо, с правой стороны обнаружился болезненный то ли укус, то ли ушиб... или засос? Похоже, она опять оказалась в теле шлюшки по имени... Мими? Матье? Нет, как-то иначе...

Осторожно спустив ноги с кровати – длинные, гладкие, с изящными ступнями и вульгарно-красными ногтями, – она подошла к зеркалу в половину своего роста, закрепленному на бронзовой раме. В мутноватом стекле отразился ужас. То есть юная блондинка с голубыми глазами и черно-алыми разводами на лице, шее и груди. Выглядело это, как жертва изнасилования, и оставалось лишь надеяться, что вот эта пятнистая жуть – только потекшая косметика, а не синяки.

Где-то тут должна быть вода! Надо срочно, немедленно все это смыть и отмыться самой! От чего отмываться, не хотелось даже и думать. И кудри тоже отмыть, судя по жесткости, юная шлюшка завивала их с помощью сахарного сиропа, и теперь они больше походили на кудрявую солому, чем на волосы. Интересно, цвет натуральный или краска? Здрава юбка, Ольга убедилась, что натуральный. И что эпиляция здесь не в моде.

Ох, черт. И приснится же такое! И главное, какие натуральные ощущения! И самое яркое из них – полный мочевого пузырь. Ну и ладно. Раз ей снятся такие реалистичные сны, она имеет полное право получить от этого удовольствие. В ее реальной жизни их было слишком мало: волнений нельзя, нагрузок нельзя, южного солнца нельзя, спиртного нельзя, мучного-сладкого-жирного-жареного-прочего-вкусного нельзя. Ни черта нельзя! А тут – лязь. Хоть на голове стой!

Усмехнувшись стремному отражению в зеркале, Ольга пошла к маленькой дверце между комодом, заставленным дешевыми безделушками, и платяным шкафом на львиных лапах. На пороге она обернулась, глянула на так и не проснувшегося нотариуса. Развлечение, да уж! Судя по ощущениям в теле и состоянию постели, ночь была бурная и веселая, а главное, пьяная. Хорошо, что девчонка молодая, ей и похмелье нипочем. Свежа и бодра, как будто не работала, а развлекалась. Фу. Хорошо, что сон начался с утра, а не с ночи. Не хотела бы Ольга вот так, с пьяным незнакомцем, за деньги...

Почему-то собственная мысль показалась глупой и неприятной. А главное, неправильной. Телу было хорошо. Тело помнило эту ночь и было не против повторить. А при взгляде на руки нотариуса внизу живота зарождалась горячая истома, не как желание, а скорее как воспоминание.

Вот этого Ольга не могла понять совсем. Не по причине ханжества. Она – женщина свободная, современная и разумная, ничего не имеет против секса по обоюдному желанию, лишь бы все было в рамках закона. Просто ей никогда особо не хотелось этого самого секса, и вот такой истома она за собой толком и не помнила. Не говоря уж о сумасшедших ощущениях, которые описываются в любовных романах. Честно говоря, она вообще считала их выдумкой. Ну не совсем выдумкой, но уж точно художественным преувеличением. А тут...

Нет, думать об этом она не хотела. И вообще, у нее сейчас совсем другие потребности. Уж точно – не трахаться с пьяным незнакомцем.

«Почему бы и нет? Он ласковый и добрый», – мелькнула явно чужая мысль, даже не мысль, а скорее ощущение.

М-да. Раздвоение личности во сне? Прелестно, просто прелестно! К черту. Где тут туалет, наконец?!

Нужное нашлось за дверцей, а память, данная в ощущениях, подсказала, что деревянная, слегка пованивающая конструкция суть немислимая роскошь. В комнате Матильды (о, вот и имя вспомнилось!) ничего такого не было. Ни унитаза, ни ванны (медной, больше похожей на корытце) с кранами и – вот где настоящая-то роскошь – теплой водой.

Сделав срочные дела и мысленно похвалив местных изобретателей, организовавших ватерклозет в непростых условиях допотопного борделя, она влезла в ванну. Долго терла себя жесткой мочалкой, почистила зубы меловым порошком с толченой мятой, отмыла яичным шампунем волосы от сахара, вина, жира и черт знает какой дряни. Кстати, без сахара они оказались прямыми, длинными и очень густыми. А мордашка в крохотном зеркальце – неприлично юной, чистенькой и глупенькой. Даже мимические мышцы толком не разработаны. Улыбаться и смеяться умеет, бровки домиком делать умеет, и на этом все.

Задумываясь, почему в первую брачную ночь она проснулась с нотариусом, а не с законным супругом, Матильда тоже не умела. Ольга даже почувствовала ее удивление: а что, это странно? Мужчина и мужчина, какой выбрал, с тем она и пошла. Какая разница-то? Зато маман пустила ее в самый лучший номер, только для благородных гостей! Тут и вода, и кровать мягкая! А еще мадам платью обещала, красное и с кружевами! Счастье!

Ох, ду-ура... лишь бы это было не заразно.

Впрочем, если ее студенты-оболтусы не заразили, одной девочке это явно будет не под силу. У педагогов либо вырабатывается иммунитет, либо они сбегает из профессии к чертям свинячьим.

Пока мылась, проголодалась. Здоровый организм требовал еды, да побольше. А здоровый мозг – пройти квест на выживание, а для этого надо выкупиться из борделя. Вот и спрашивается, где взять денег красивой девице, которая ничего не умеет? Правильно, у мужчин. Тем более князь вчера дурить изволили, женились на дурочке и собирались поутру развестись. Вот пусть теперь и платят за развод. Между прочим, титул княгини на дороге не валяется и честной девушке всегда пригодится!

Выйдя из уборной в одном льняном полотенце, Ольга оглянулась в поисках чистой одежды. Взгляд упал на шкаф. Открыв его, она нашла два вульгарных платья с декольте до пупа и плотный красный халат, судя по длине – мужской, а по запаху – чистый. Именно его Ольга и взяла, не надевать же было рабочую одежду шлюхи!

Стоя напротив зеркала, Ольга не спешила одеваться. Ей хотелось рассмотреть себя как можно лучше. Нет, даже не так. Ей хотелось любоваться собой, и желание это было странным, непривычным и явно чужим. Да и ощущения тела тоже. Ольга не помнила, когда в последний раз чувствовала себя так легко и хорошо! У нее не просто ничего не болело, ее тело пело и радовалось жизни, словно готовое взлететь.

Мелькнула мысль, что это плохо стыкуется с исторически достоверными данными о тяжелой, опасной и полной лишений жизни бордельных девиц. Из двадцать первого века все выглядело совсем иначе, и уж никак не радостно. Наверное, подсознание не хочет исторической достоверности. Вот и платья весьма приблизительно похожи на французскую моду восемнадцатого века, скорее, на голливудскую стилизацию. Ну и бог с ней, со стилизацией! Во сне – плевать на достоверность, она же не кандидатскую пишет.

Вспомнив о недописанной докторской (много мороки и мало отдачи, так что Ольга ее забросила), она подмигнула своему отражению. Отмытая, без вульгарных одежек, дева была прекрасна, как Афродита Пенорожденная. Такую бы ваять Фидию, на худой конец – Родену, а не подкладывать нетрезвым обормотам. Конечно, лицо по-прежнему было девственно гладким, без малейшего следа умственной деятельности, но взгляд изменился. Тело быстро приспособлялось к привычной для Ольги мимике.

Вот бы проснуться после операции – и в таком теле, а? Подобной роскоши у Ольги никогда не было и не будет, не расщедрилась природа. А зря. Ольга бы его любила, холила и лелеяла, заботилась бы о нем. Одевала бы красиво, и никакой жуткой косметики! Только «Живанши» или «Ланком», такая красота определенно достойна лучшего!

Вздохнув и огладив себя по высокой упругой груди, Ольга набросила на плечи халат. Хватит мечтать о несбыточном, надо проходить квест дальше. Найти брачный контракт, пока

нотариус не проснулся. Пока контракт у нее в руках, у нее в руках и сам пьянчужка, он же князь Волков.

Бумага нашлась во внутреннем кармане сюртука (по крайней мере, это больше всего походило именно на сюртук). Слегка помятая, с винными пятнами, но плотная и гладкая. Дорогая бумага. И заполнена каллиграфическим почерком, на французском. Формулировки и сам строй речи несколько отличались от языка Дюма и Гюго, но ожидать от подсознания достоверности в деталях было бы глупо, не так ли? Главное, что Ольга понимала все, там написанное.

Мелькнула паническая мысль: во сне невозможно читать! Доказано учеными! Но Ольга ее отогнала. Мало ли что там ученые доказали, она же читает – значит возможно.

Итак, что мы имеем?

Вчитавшись в короткий документ, Ольга хмыкнула. Князь оказался щедрым: на содержание супруги выделялось шестьсот рублей золотом, плюс содержание парадного выезда и прочая, прочая. Судя по эмоциональному отклику тела, на эти деньги можно было купить весь бордель, соседнее варьете в придачу и еще бы осталось на булавки. Врожденная практичность тут же заявила, что ради таких предпочтений можно и потерпеть мужа-пьяницу! Особенно если он будет в России, а она – во Франции. Жить будут душа в душу! Да и не такой уж он противный, подумаешь, напился, а кто не напивается? Все! Зато у Мими будет десять, нет, сто новых платьев! Коко и Лулу сойдут с ума от зависти! Но Мими добрая, им она тоже купит новых платьев!..

Ольга снова хмыкнула собственным мыслям. Вот отсыпал Бог доброты, еще бы ума дал хоть на грош. Ладно, хватит критиковать девочку, читаем дальше. Самое интересное: условия развода. Итак, при разводе по обоюдному согласию супруге полагается разовая выплата в размере пятисот рублей золотом... сколько-сколько?! Новое платье, говорите, мадам? Вот же сука!

От возмущения Ольга чуть не задохнулась, тут же насмерть перепугалась знакомым ощущениям – как-то после подобного приступа ее еле откачали, повезло, что случился он в больнице, на очередном обследовании. А этой девчонке хоть бы хны! Сердечко только чуть быстрее забилось.

Дальше следовало, что если развод произойдет по вине жены, буде то измена или бесплодие в течение трех лет, она получит лишь двести рублей отступных. Что характерно, возможность развода по вине мужа даже не рассматривалась. Дикое «новое» время, прав у женщин – чуть больше, чем у племенной коровы.

Дальше шли предпочтения за рождение сына, права наследования в случае наличия сыновей и в случае отсутствия детей, вдовья доля... В общем, роди она князю сына, и будет обеспечена до конца дней своих. А помри муж, пока они состоят в браке, и вовсе останется княгиней Волковой и владелицей всего его имущества.

Нехилое, должно быть, имущество, если только на содержание жены планируется... э... о чем это она? Стоп, Ольга Александровна! Светлейший князь не собирается свернуть шею в подворотне, чтобы осчастливить французскую шлюшку. Да и вы к тому моменту проснетесь и думать забудете об этом наркотическом приключении.

Ну и ладно, ну и забуду. Зато сейчас можно неплохо поразвлечься!

В конце договора перечислялись титулы светлейшего князя Андрея Михайловича, числом шесть штук, указывалось, что он гражданин Русской Империи, уроженец города Владимира, три тысячи двести девятого от С.Т. (сотворения тверди?) года рождения и стояла размашистая, в завитушках, подпись. А чуть ниже скромно притулилась Матильда Сатье, свободная гражданка Франкии, уроженка Брийо, шестнадцатого года рождения – с кривым крестиком вместо подписи.

Заверено магической печатью имперского нотариуса Леграна Товиля, лицензия под номером что-то там дробь что-то там, и зарегистрировано в Центральном Гражданском Реестре города Брийо за каким-то незапоминающимся номером.

Поверх подписей красовалась немалых размеров печать, переливающаяся подобно современной голограмме. Магическая, значит. Красота!

Ольга колупнула красоту ногтем (сама не поняв, откуда взялся глупый детский порыв) и ойкнула. Печать ударила ее током! Больно!

Она только успела сунуть палец в рот, как с кровати послышались шебуршание и сиплый голос:

– Эй, девка! Подай вина и приготовь ванну!

Это ей? Ольга быстро скрутила договор и сунула его в карман халата, только после этого повернулась.

Имперский нотариус Легран Товиль сидел на кровати, сжимая ладонями виски и морща правильный греческий нос. Больше ничего Ольга толком не рассмотрела, ну, если не считать отеков после неумеренных возлияний. Даже цвета глаз было не видно, так как мсье нотариус закрыл их, дабы не видеть ужасного несправедливого мира. И был он при этом безумно похож на оболтуса Лаврикова, минимум раз в месяц являющегося на первую пару похмельным убоищем.

– С добрым утром, мсье, – отозвалась она, едва сдержавшись, чтобы не напомнить, что аудитория исторической кафедры – не вытрезвитель и не богадельня для несчастных жертв зеленого змия.

– Боги, ну зачем я вчера так напился? Меня ведь предупреждал падре... Как его звали, этого священника? Нет, не помню. Он сказал – не пейте с князем, он не знает границ. И отчего я, балбес, его не послушал?

– От того, что балбес? – не удержалась Ольга. – Я бы предложила аспирин, но в этом сне его нет.

– Каком еще сне? Что ты городишь, дура?

– Судя по тому, что я себя чувствую просто отлично, дура здесь не я. – Ольга вытащила из кучи на полу штаны и бросила их на кровать. – Ванная комната за той дверью, мойтесь, мсье, а я пока поищу вам вина.

Хоть она и не жалела несчастеньких похмельных мужчин, но и ссориться вот так с ходу не хотела. Все же это первый абориген, с которым она может поговорить, и от него зависит, сможет ли она пройти квест «сделай из шлюхи человека».

– Эй, а ты кто такая?

Нотариус провел ладонями по лицу сверху вниз и глянул на нее внезапно острым и внимательным взглядом. Кстати, глаза у него оказались ореховые, в длинных ресницах. Без красноты. Да и само лицо вдруг стало не помятым и отекившим, как минуту назад, а нормальным. Умным. Строгим. Черты тяжеловаты, но в целом очень даже ничего. И руки, да. Чертовски красивые руки!

– Я? Матильда! – улыбнулась ему Ольга.

– Нет. У тебя другая аура.

– Э?..

– И поведение другое.

– Пфе, я просто протрезвела.

– И резко поумнела. Вчера ты не умела читать и писать, а сегодня я видел, как ты изучаешь брачный договор.

– Картинки рассматривала. – Ольга никак не могла себя заставить воспринимать сон всерьез, даром что в голосе мсье нотариуса звучали угрожающие нотки.

– Картинки?

Нотариус сделал какое-то неуловимое движение пальцами, и Ольга почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Она машинально схватилась за горло. Стало не на шутку страшно: несмотря на привычные мантры расслабления, вдохнуть никак не получалось.

– Сестра! – попыталась она позвать кого-нибудь, чтобы ее разбудили.

Разумеется, никто не отозвался и сон никуда не делся.

– Оболочка шлюхи, но в ней другая душа. Ты забыла, Матильда, что я имперский нотариус...

Наверное, это должно было что-то значить, но Ольге было совершенно все равно. Ее одолела паника. Вот так умереть от удушья во сне, что может быть глупее? Нет, нет, она не хочет умирать, пожалуйста, позвольте ей проснуться!..

Она не видела, сделал ли маг что-то еще, но внезапно горло отпустило, и она смогла вдохнуть. Хрипя и всхлипывая, она обессиленно упала на кучу одежды, из глаз лились слезы, легкие жгло огнем... но сердце по-прежнему билось. Быстро и сильно. А вместе с ним мысль: это не сон. Это – не сон! Она не очнется в своей палате, не вернется домой. Похоже, пятая операция все же стала для нее последней, а сейчас она... где? Будь она верующей, приняла бы это место за чистилище, но мракобесием она не страдала. Значит... что? Прошрое? Или другой мир? Ох, черт. Что же теперь делать-то?

Глава 2, о чудесах в решетке

Брийо, Франкия, бордель

Нотариус вернулся из уборной минут через пятнадцать. Немного пришедшая в себя, но так и не смирившаяся с чертовщиной Ольга отметила, что от отеков и красноты не осталось и следа, даже пятна с сюртука пропали. Так и не скажешь, что господин нотариус ночью пьянствовали и трахали проститутку.

Ольга невольно поморщилась. Ассоциировать себя с проституткой было мерзко, стыдно и страшно. Вдруг она болеет сифилисом или еще какой дрянью? С гигиеной здесь плохо, а с медициной и того хуже.

На Ольгу нотариус бросил презрительно-настороженный взгляд.

– Эй, не притворяйся тупой девкой, я тебе не верю. – Он брезгливо скривился на смятую постель и сел на край, закинув ногу на ногу и обхватив колено сцепленными пальцами. – Итак, кто ты?

– Ма... – Ольга от нервов поперхнулась: врать она не любила и не привыкла, но говорить правду нельзя. Назовут ведьмой и сожгут на костре. – Матильда, – хрипло закончила она и закашлялась.

– Продолжай, – нетерпеливо велел нотариус.

Вокруг него засветилась серебристая дымка, внезапно ярко блеснули какие-то искры, и Ольга от неожиданности зажмурилась. Что это, бред и галлюцинации? Так, может быть, она наконец-то проснется? Пожалуйста, если наверху есть кто-нибудь, пусть она проснется!..

– Ты что-то увидела? Что? – нетерпения в голосе нотариуса прибавилось.

Открыв глаза и выдохнув, Ольга решила сказать правду. Вряд ли за такое сожгут! Да и всегда можно отбрехаться, сказать – померещилось с перепугу. А вдруг не померещилось?

– Голубую дымку вокруг тебя.

– А раньше видела?

Ольга покачала головой.

Нотариус нахмурился и задумчиво потер пальцем образовавшуюся между бровей складку, а Ольга невольно засмотрелась на его руки. Ужасно глупо и неуместно, но... Да какая разница, на что она смотрит! Выпутаться бы как-нибудь!

– Похоже на проклятие, запирающее разум, – тихо сказал он, словно сам себе. – Значит, в Брийо опять завелась нелегальная ведьма. Или не в Брийо, придется расследовать... м-да... Скажи-ка, Матильда, давно ли ты здесь?

Ольга честно задумалась, пытаясь найти в смутной памяти прежней владелицы тела ответ. Но нашла лишь ощущение «всегда».

– Мне кажется, что всегда. Ну или очень давно.

– Кто твои родители?

– Не помню, – тут даже и попытаться не стоило, слово «родители» не вызывало вообще никаких эмоций, кроме своих собственных.

– М-да. Очень похоже. Дай-ка мне твою руку, Матильда. – Теперь нотариус смотрел на нее с исследовательским и немного злым интересом.

Очень захотелось сказать: «Только не бейте, дяденька», – но родное злоехидство Ольга засунула в самый дальний карман, чтобы не вылезло, когда не надо. И протянула руку. Вокруг нотариуса снова замерцала серебристо-голубая дымка. Магия? Вот бред собачий! Какая магия?..

Так. Дышать ровно и глубоко, истерике не поддаваться. Магия-шмагия, разберемся.

А нотариус кивнул своим мыслям, усмехнулся и глянул на нее остро, пронизывающе... Тут же голова вспыхнула болью, Ольга невольно зажмурилась и сжала виски ладонями.

– Больно? – без малейшего сочувствия спросил нотариус.

– Это вы сделали? – Как только зрительный контакт прервался, боль в голове стала утихать. – Зачем?

– У тебя ментальный блок. Ведьма очень не хотела, чтобы ее нашли. Жаль. Опасные преступники не должны оставаться на свободе.

– Какая еще ведьма, о чем вы? – Ольга с надеждой посмотрела на нотариуса, как его, мсье Товиля? Кажется, да. – Мсье Товиль, прошу вас, объясните мне, что происходит? Почему я ничего не могу вспомнить?

– Как вижу, кратковременная память у тебя в полном порядке, – кивнул он и жестом велел ей подняться с пола и пересесть на табурет, стоящий около зеркала. – Скажи-ка, Матильда, раньше ты видела подобную дымку? Нет? Что ж. Похоже, условием снятия проклятия был брак с благородным человеком. Поздравляю, ты на редкость везучая девица. Явно из благородной, но бедной семьи. Обладаешь магическим даром, слабым, и я пока не могу определить его принадлежность. Тебя наверняка украла ведьма, заперла твой разум и продала перекупщикам, а то и напрямую в бордель.

– Благородной семьи?

– Да. Ты не выглядишь, как простолюдинка. Умеешь читать.

– Так, может быть?..

– Нет, – пресек едва зародившуюся надежду нотариус. – Я не знаю, из какого ты рода, и не буду искать твоих близких. Поверь, после борделя семья тебя не примет. Никому не нужно бесчестье.

Ольга едва сдержала рвущиеся с языка ругательства. Бесчестье, да? Плевать, что девочку похитили, насильовали и едва не превратили в овощ! То есть не плевать, напротив! Если уж попалась, будь добра не спасаться и не появляться дома, чтобы никого не запачкать. Чертовы ханжи! Мракобесы! А княгиню они, интересно, приняли бы?

– Мой муж... он знал?

– Нет, конечно же, – покачал головой мсье Товиль. – Их светлость не слишком хорошо понимали, что делают, и тем более их светлости было все равно, на ком из вас жениться. Кстати, куда он подевался? Нам еще подписывать документы о разводе. – Нотариус вытащил из кармана сюртука часы-луковицу, откинул крышечку с циферблата и нахмурился. – Три минуты первого, мы договаривались на полдень.

В его тоне прозвучало «безответственный пьянчуга!», с чем Ольга была полностью согласна.

– Вы ведь мсье Легран Товиль, не так ли?

– Так. – Он заинтересованно поднял бровь.

– В договоре написано, что мне в случае развода полагается пятьсот рублей золотом.

– Когда ты не притворяешься дурушкой, с тобой намного приятнее иметь дело.

– Я не притворяюсь, то есть я не... я не дурушка. Я умею писать и считать... – «Тринадцать лет преподаю историю и защитила кандидатскую», не добавила она вслух, хоть и безумно хотелось стереть с лица мсье эту гримасу превосходства. – Мне кажется, я из не такой уж бедной семьи.

Еще бы найти ту сволочь, что похитила ее и продала в бордель, а потом приложить о стену. Раз десять. А потом... потом – расцеловать и сказать спасибо! Потому что это – шанс! Молодое и, хочется надеяться, здоровое тело, симпатичная мордашка, работающие мозги (свеженькие, совершенно не б/у!) и брачный договор с князем-оболтусом. Которого, кстати, мсье Товиль терпеть не может и того даже не скрывает. А что тело принадлежало шлюхе... пле-

вать!!! Лучше живая шлюха, чем мертвый кандидат наук! У нее есть шанс прожить еще одну жизнь, родить детей и не бояться умереть от первого же чиха! Конечно, куда приятнее было бы очнуться в теле принцессы... ну, если только она не Мария-Антуанетта... Плевать. Будем работать с тем, что есть! Она пробилась в родном Калининграде, пробьется и здесь. Люди в любом мире и в любом веке одинаковы. Она справится. Назло судьбе и ее мерзопакостному чувству юмора. Так-то!

– У тебя глаза горят, – впервые за время их разговора улыбнулся мсье Товиль. – Представила, как душишь обидчиков?

– Вы мне можете?

Нотариус скептически поднял русую, красиво очерченную бровь.

– Тридцать процентов от всего, что я получу с князя, – сделала первый ход Ольга.

Ответом была усмешка.

– Сорок, мсье Товиль.

Усмешка стала более заинтересованной, а Ольге стало любопытно: что же она обещает? Пятьсот рублей золотом в России восемнадцатого века были огромными деньгами, но этот мир – совсем другой. Или не совсем? Кто знает, как повлияла на него магия? Ох, черт. При мысли о магии ощущение нереальности не просто накатывает, а долбит со всей дури, как цунами по Гавайям.

Так. Собраться. Не отвлекаться.

– Вы считаете двести рублей золотом слишком ничтожной суммой? Или испытываете к князю Волкову теплые чувства? – она тоже усмехнулась. – Насколько я успела увидеть, князь – милейший человек, образец любезности и дружелюбия.

Нотариус хмыкнул почти весело, глаза его блеснули.

– Ты еще и язва.

– Что вы, мсье Товиль. Я – воплощенная скромность и доброта. Итак, сорок процентов и моральное удовлетворение? – И, видя, что нотариус готов сказать очередное «нет», сама себя прервала. – Кстати, деньги в России и здесь одинаковые? Я совсем не помню, – она сжала пальцами полы халата и нахмурилась. – Простите, я немного теряюсь... ведь пятьсот золотых – это много? Этого хватит, чтобы купить домик в пригороде?

– Не Россия, а Руссия, – поправил ее нотариус. – Князь Волков – русич.

– И у них другие деньги?

– Но стоят они столько же, сколько и золотые имперские франки. Вес монет и проба металла проверяются в Брийонской палате мер и весов. – В его голосе прозвучала нотка гордости.

Ольга немедленно за нее ухватилась.

– Правда? О, это безумно интересно! Вы ведь ученый человек, мсье, может быть, даже доктор права?..

– Получу степень через месяц. – Гордости прибавилось, плечи расправились. – В моем возрасте еще никто не становился доктором права, я буду первым.

– Надеюсь, мне будет дозволено вас поздравить? Стать доктором права в тридцать пять лет, это невероятно!

– В тридцать два, – поправил ее мсье Товиль.

Ольга лишь восторженно вздохнула: надо сказать, искренне. Чтобы получить степень доктора права в тридцать два, надо действительно быть выдающимся юристом. Особенно – в этом диком веке.

– Тем более невероятно! Убедить седых ученых мужей, что кто-то моложе сорока достоин их внимания... Позвольте выразить вам свое восхищение.

– Позволяю, – тепло и самую чуточку насмешливо отозвался Товиль. – Вы в самом деле не знаете, сколько стоят деньги?

– Могу только предполагать, – пожала плечами Ольга. – Мои воспоминания плохо соотносятся с окружающей действительностью. Пожалуйста, расскажите мне!

– Что ж...

Мсье Товиль, глядящий на нее уже почти ласково, объяснил, что за один золотой можно снять комнату с пансионом на десять дней, за сто – купить дом в пригороде или небольшую шляпную лавку на окраине. В общем, на половину отступных (лишь бы удалось ее выторговать!) можно уйти из борделя и начать свое дело. Особенно при поддержке толкового юриста.

Она вытащила из кармана договор и расправила его на коленях.

– Мсье Товиль, он же действительный?

– Разумеется, – улыбнулся он. – Ты же видишь магическую печать. Сейчас ты – жена князя Волкова со всеми вытекающими правами и обязанностями.

– Звучит многообещающе. – Она склонила голову набок, глядя в глаза мсье Товиллю. – Как думаете, сколько мы сможем получить за развод?

– Мы? – переспросил он.

– Разумеется, мы. Без вас я не получу ничего, как и вы без меня. Итак, сколько?

– Дай-ка бумаги.

Ольге отчаянно хотелось спрятать их подальше и никому, ни в коем случае не давать в руки. Ведь это ее единственный шанс быстро выбраться из борделя! Но по глазам мсье Товиля было понятно: если она не покажет доверия, ничего ей не светит. Видимо, для него предполагаемая сумма выигрыша не так значительна, как хотелось бы. Или же он великий актер (или великий юрист, что почти одно и то же).

Вчитавшись в мелкий шрифт и критически осмотрев Ольгу, запахнувшуюся в халат как можно плотнее, нотариус протянул ей договор обратно.

– Запросить можно две тысячи, получить – тысячу. Генерал Волков занимает высокое положение при императорском дворе, его владения – одни из самых больших в России. Волков-младший не так богат, однако занимается разведением породистых скакунов и поставляет их русской армии. Он старший сын, но не основной наследник. На свое место генерал Волков прочит второго сына, Ярослава... Пожалуй, даже тысячу двести.

Ольга перевела дыхание. Сумма не сногшибательная, но весьма приличная. При разумном вложении она сумеет увеличить капитал.

– Рано радуешься, Матильда. Князь Волков скорее предпочтет устроить недостаточно покладистой девице случайную смерть. В борделе никто не станет проверять, убита ты или сама шею свернула. Я бы устроил. Никто не станет интересоваться судьбой шлюхи.

– Не шлюхи! – Ольга сердито выпрямилась. – А княгини Матильды Волковой!

Несколько мгновений Товиль недоуменно смотрел на нее, а потом расхохотался. Искренне и заразительно.

– Вот это я понимаю – наглость! Браво, девочка! – Он жестом велел отдать ему договор. – Ты пока не княгиня, а жена князя, чувствуешь разницу?

– Но вы можете решить этот вопрос, мсье доктор права.

– Могу. – Он замолчал, выжидательно глядя на Ольгу.

– Пятьдесят процентов, эксклюзивное право представлять мои интересы и возможность нагнуть моего драгоценного супруга.

– Хм. Это в самом деле может стать интересным. – Товиль блеснул глазами. – Нагнуть, какое емкое слово! Идет. Пятьдесят процентов и тебя.

Ольга вздрогнула, но быстро взяла себя в руки.

– В помощницы? – Она все же выпустила наружу капельку ехидства. Все лучше, чем злость и растерянность. А чего она ожидала? Что в только что трахнутой шлюхе увидят достойного делового партнера? Ха-ха. Смешно.

– В любовницы, малышка. Мне нравится, как горят твои глазки.

– Боюсь, если об этом станет известно, мы не получим ни медяка.

– Как ты помнишь, ты уже изменила мужу, проведя ночь со мной. Но на суде все будет зависеть от трактовки. – Взгляд нотариуса стал жестким.

Черт. Он уже ее шантажирует! Сукин сын! Шовинист хренов! Но что же делать? Вот так просто лечь под него?! Нет, ни за что!.. Но как?..

Как-как. Держать себя в руках. Что, мсье доктор права чем-то отличается от ее недоброй памяти научного руководителя? Там тоже все зависело от трактовки, мать ее, но удалось же поставить его на место. Не очень красивым способом, но кто ему злобный буратино? И этого сукина сына она уж как-нибудь приведет к единому знаменателю.

– А мсье доктор права, я вижу, большой специалист в трактовках. – Ольга так же жестко улыбнулась.

– Ты очень догадлива, малышка. Тем мне и нравишься. Ну, скрепим сделку?

Уговаривая себя не орать, не швыряться предметами и не бить сукина сына ногой по яйцам, Ольга поднялась с табуретки. Медленно. Так же медленно, покачивая бедрами и глядя сукину сыну прямо в глаза, подошла. Остановилась в полуметре от него и почти пропела, хрипловато и низко, тоном джазовой дивы:

– Рада нашему взаимовыгодному сотрудничеству, мсье доктор права, – и протянула ему руку.

А через мгновение оказалась прижатой к сильному мужскому телу, и пахнущие мятой губы нашли ее рот, смяли...

Проклятье! Он, он...

Но самое ужасное было не в том, что делал мсье Товиль, а в том, что Ольге это понравилось.

Похоже, она все же сошла с ума.

– Мими! Паршивка! – раздался высокий голос, и в «будуар» без стука влетела мадам. – Марш работать, дрянь! Мсье Товиль, – уже другим голосом произнесла она и заискивающе улыбнулась. – Оплаченное князем время вышло, не могли бы вы перейти в гостиную? Здесь надо прибраться, сменить постель. Мы следим за классом заведения!

– У этого заведения есть класс? – удивленно поднял брови Товиль.

– А как же! Ваш младший партнер самолично оформлял нам лицензию второй категории! – И тут же молниеносно развернулась к застывшей Ольге. – Марш одеваться и бегом в зал! Там господа офицеры пожаловали, желают развлечься!

Ольга застыла от растерянности и возмущения. Она всегда немножко пасовала перед напористыми хабалками, вот и сейчас хватала ртом воздух, не в силах преодолеть воспитание и послать мадам туда, где ее давно заждались. К тому же стало страшно. Мсье Товиль, конечно же, обещал ей помочь, но доверять ему пока не получалось.

Она отступила от мадам и вопросительно посмотрела на него:

– Мсье...

Нотариус лишь поднял бровь, откровенно изучая Ольгу... то есть Матильду. Твою дивизию! Ему что тут, цирк?! Где проклятая французская галантность?

– Ogлохла, дрянь? – зашипела мадам и, шагнув к Ольге, влепила ей пощечину.

На мгновение Ольга опешила. Никто и никогда не смел поднимать на нее руку! А мадам продолжала шипеть:

– Ах ты, ленивая тварь! Продрыхла всю ночь, даже на завтрак не заработала! Что стоишь, глазами лупаешь? Бегом в зал, господа за... – Она осеклась, схватившись за щеку, а Ольга с удивлением поняла, что только что ее ударила. И обрадовалась. Так ей, суке крашеной!

– Не смей на меня орать! Хватит, отработала! Отдавай мои документы!

Мадам опешила, но быстро взяла себя в руки, видно, потасовки не были здесь чем-то удивительным, и шагнула к Ольге с явственным намерением вцепиться ей в волосы. Но не успела, Ольга спряталась за мсье Товиля. А что он стоит, как шкаф?

– Да тебя никто не держит! Гони двадцать золотых и убирайся на все четыре дороги! Сама приползешь через неделю, когда будешь подыхать в сточной канаве!

Ольга, то есть Матильда, охнула про себя. Ничего себе, двадцать золотых! Для этого паршивого клоповника и пяти много! Вот только у нее нет ни одного. Дурочка Матильда даже элементарной заначки не сделала! Что же делать-то?

– Двадцать золотых? – переспросил мсье Товиль. – Хм. А налоги вы, помнится, платите, исходя из куда меньшей суммы.

– Ах, мсье, – голос мадам снова засочился сладкой патокой, – позвольте проводить вас... Простите, эта девчонка совсем отбилась от рук! Не обращайтесь на нее внимания.

– Матильда, ступай к себе, – холодно велел мсье Товиль.

Обида окатила Ольгу колючей волной, вышибив дыхание и последние остатки самообладания. Нестерпимо захотелось разреваться, забиться в угол и там сдохнуть, потому что мир ужасен, несправедлив и отвратителен...

«Ох же, черт, – подумала она, – не было печали, расколбасило на ровном месте. Откуда такие реакции-то? Словно подросток с бешеными гормонами. Спокойствие, Оль Санна, только спокойствие. Соберите эмоции в кулак и не вздумайте устраивать истерику! Вам нужно уважение господина нотариуса, а не презрение. Соберись, тряпка, быстро!»

– Как скажете, мсье Товиль, – запретив себе плакать, ответила она, сделала книксен и, обойдя мамам по широкой дуге, вышла.

– А мы с вами побеседуем, мадам... как вас там?

– София, мсье, – услышала Ольга, закрывая дверь с той стороны.

Хотелось остаться под дверью и подслушать, но она не решилась. Из зала доносился пьяных хохот, визгливые женские голоса, звон посуды. Было страшно, что кто-нибудь придет и застанет ее, побьет, заругает...

Чертовы гормоны, выругалась про себя Ольга. Придется заново учиться владеть собой. Дыхательную гимнастику надо сделать, чтобы успокоиться. Прямо сейчас.

Она начала размеренно дышать, считая про себя. На ходу. Так и вышла в общий зал, через который надо было пройти, чтобы попасть в свою каморку.

Несмотря на белый день за окном, в зале было сумрачно – плотные бордовые шторы почти не пропускали свет, создавая «интимный полумрак». Самое то, чтобы в глаза не бросалась жалкая потрепанная обстановка, а страшные аки смертный грех девицы казались красотками. Впрочем, ни разнокалиберную кривоногую мебель, ни шлюшек полумрак не спасал. Как и не мог превратить пьяную солдатню в «господ офицеров». Они пили дешевое пойло, ржали, воняли потом и гуталином, перебивая сладкие духи девиц и запах подгорелой каши с кухни.

Ольгу затошнило. И как назло, один из «офицеров» (судя по наглости и ширине хари – сержант) увидел ее и радостно осклабился:

– Мими, моя крошка, мы тебя заждались! Иди-ка сюда, детка, мой дружок соскучился по твоему сладкому ротуку!

От ужаса и отвращения к горлу подкатила желчь. Зажав рот руками, Ольга метнулась через зал к спасительной лестнице наверх и каким-то чудом не зацепилась полами халата за выставленный одним из солдат сапог. Кто-то попытался поймать ее за подол, кто-то плеснул в нее вином, но она увернулась, взбежала по лестнице на антресоль и под довольный гогот солдатни и женский визг ввалилась в свою каморку, тут же захлопнула дверь, повернула ключ и, не соображая ничего, придвинула туалетный столик. Только когда столик уперся в дверь, Ольга сумела остановиться и рухнула на смятую несвежую постель. Сердце колотилось как сумасшедшее, во рту ощущался вкус желчи, руки дрожали, в глазах кипели слезы. Несколько

минут Ольга лежала, бессмысленно пялясь в щелястый потолок, и пыталась думать. Не получалось. Совсем. Мысли разбегались, перед глазами всплывали картинки прошлого – не ее, а Матильды. Того прошлого, которое лишенная памяти девчонка считала нормальным. Даже местами приятным. В отличие от Ольги.

Нет. Она не хочет этого помнить! И тем более – это повторять! Ни-когда!

Чуть успокоившись, она вспомнила еще кое-что. Ее комнатуха располагалась как раз над ВИП-номером, и в полу была вполне приличная щель. Вот к ней Ольга и прилипла, начав на грязные полы.

– ...и скажи мне, дорогуша, как у тебя в борделе оказалась дочь благородного человека со стертой памятью и заклинанием...

Дальше нотариус произнес что-то непонятное.

– Ложь это все, мсье! – визгливо ответила мадам. – Как есть гнусная ложь. Я законопослушная жительница столицы! Я плачу налоги! И регистрация у меня в порядке. Всех девочек проверяли! Нет среди них никого незаконного!

Нотариус понизил голос.

– Бу-бу-бу...

– Да не может этого быть!

– Бу-бу-бу.

– Хорошо. – Голос мадам стал сухим и чуть испуганным. – Хорошо, ваша честь! Как прикажете, ваша честь. Спасибо за золото, ваша честь.

– Итак, на трое суток Матильда моя. Не смейте никого к ней пускать, вы меня поняли? – Он снова говорил достаточно громко, чтобы Ольга сумела все разобрать.

– Конечно, мсье, как вам будет угодно!

– И передайте ей, что я скоро за ней вернусь.

– Разумеется, мсье!

Внизу раздались тяжелые шаги, хлопнула дверь, а через несколько секунд что-то с грохотом ударилось о стену.

– Дрянь! Паршивка! Ну погоди у меня, сучка драная! Чтоб тебя!... – мадам орала, топала ногами и что-то швыряла.

Ольга встала с пола, не желая больше слушать ее ругани. Все, что необходимо, она узнала, а ругаться мадам может хоть до вечера. А Ольга на всякий случай к баррикаде добавит что-нибудь еще. Например, вот этот бронзовый канделябр. Скобы для засова есть, самого засова нет – вот вместо него и будет канделябр. Черта с два вы до меня доберетесь, мадам!

Закончив с баррикадами, Ольга оглядела комнату, поморщилась, содрала несвежее постельное белье и прикрыла матрас халатом. А сама оделась в единственное более-менее закрытое платье, явно давно не надеванное, но хотя бы не грязное. Еще бы найти еды! Последний раз она ела вчера вечером, а уже далеко за полдень...

По счастью, в маленьком сундучке, запрятанном под кровать, нашлось несколько сухарей, а в кувшине для умывания – вода. Тратить ее на мытье Ольга не решилась, кто знает, может быть, ей придется просидеть тут до прихода нотариуса. Тем более ведро с крышкой стоит в углу, на крайний случай сгодится.

Примерно через полчаса в дверь постучали. Ольга не отозвалась. Постучали снова.

– Мими, ты спишь, что ли? – сладко-сладко спросила мадам.

Разумеется, не получила в ответ ни звука.

– Мими-и! – повторила мадам.

На несколько секунд за дверью затихло, потом из замочной скважины выпал ключ, вытолкнутый чем-то снаружи. Замок почти бесшумно отперли. Дверь попытались открыть, дернули пару раз, тихо выругались – и ушли.

– Ну что ж, красавица, – Ольга подошла к зеркалу, каким-то чудом не свалившемся с туалетного столика, и улыбнулась незнакомке в нем. – Будем знакомы. Я – Матильда Волкова, русская княгиня. Не похожа? Это поправимо. Вот привыкну к новому имени, выберусь из борделя, а там... а там посмотрим. В любом случае я теперь – Матильда. Ольги больше нет. Жаль, конечно, но мы с тобой, красавица, справимся.

Весь день Матильда (она твердо решила отныне называть себя только так) просидела взаперти. Несколько раз к ней пытались вломиться какие-то мужики, один раз ее звала на ужин Лулу – настолько сладким голосом, что у Матильды все волосы на теле дыбом встали. Разумеется, она не открыла, даже не отозвалась. Время тянулось медленно до ужаса. Часть его Матильда убила, обследуя комнату и разглядывая через решетку переулочек позади борделя. Да. Именно решетку. Прочную, кованую. Крепко сидящую в пазах – расшатать ее не получилось. А жаль. Запасной путь отхода ей бы не помешал.

К вечеру в борделе стало совсем шумно, но к пьяным воплям Матильда не прислушивалась. Неинтересно! Князь так и не пожаловали за разводом, мсье Товиль тоже, а все прочее ее не касалось.

Под утро она забылась чутким сном и, когда в дверь требовательно постучали, испуганно подпрыгнула.

– Мими, паршивка, открой дверь, – раздался голос мадам. – Не откроешь, выломаю к демонам и заставлю платить за порчу имущества.

– Мое время оплачено, – твердо заявила Матильда. – Мсье Товиль будет недоволен!

– Срать я хотела на мсье Товиля! – Мадам расхохоталась. – Наивная дура, раскатала губу!

– Ломать, мадам? – раздался сиплый бас.

Матильду окатило иррациональным ужасом, словно обладатель этого голоса... Нет, нет! Она не будет это вспоминать! Ни за что!..

– Сейчас открою, мадам, – стараясь, чтобы голос не дрожал, ответила Матильда и принялась вынимать канделябр и отодвигать столик.

– Вот так-то, – ухмыльнулась ей в лицо мадам, шагая в комнату. За ее спиной переминался в полумраке коридора кто-то здоровенный и вонючий. – Выходи, паршивка. Это больше не твоя комната.

Матильда растерянно шагнула назад.

– Что значит не моя?..

– То и значит. Я продала твой контракт мадам Жозефине. Быстро убирайся отсюда! Мне не нужны проблемы с имперскими магами!

– Ты не имеешь права, – наступив на горло собственной панике, нахмурилась Матильда. – У меня оплачено три дня! Мсье Товиль все узнает!

– Узнает – не узнает, не твое дело! Пусть сначала тебя найдет, дуру. Выходи, быстро! Или Роже тебе поможет!

– Мадам? – с предвкушением пробасило в коридоре, и Матильда чуть не упала на ровном месте, так ей стало страшно.

Черт. Надо держать себя в руках! Мадам не посмеет ничего с ней сделать. Наверное.

– Я соберу свои вещи. – Она гордо задрала голову, понимая, что уже проиграла этот раунд, даже не выйдя на ринг.

– Нет тут твоих вещей! Скажи спасибо, что не голая уйдешь, так уж и быть, в платье. Быстро вышвыривайся, дрянь!

Сжав кулаки и не оглядываясь, Матильда вышла из комнаты и, стараясь не смотреть на вонючую сопящую громаду, пошла прочь – в общий зал.

– Так эта, мадам, как же ж?.. – недоуменно проворчал страшный Роже. – Мне ж эта! Сладкая девочка!

– Заткнись, урод, – огрызнулась мадам за спиной Матильды.

Матильда выдохнула. Слава всем богам, жадность мадам оказалась сильнее пакостности характера. Не станет она портить дорогой товар.

В гостиной ее ждала одна из девушек и приятная, хорошо одетая женщина в шляпке. Она брезгливо поджала губы, увидев Матильду, но затем одобрительно улыбнулась.

– Свежая, красивая и глаза умные. Хорошо, Фифи, я забираю двоих в счет уплаты твоего долга. Ты мне еще должна сто золотых. Три дня, и если не отдашь, гореть твоему блошатнику синим пламенем!

– Жозефина! – до оскомины сладко улыбнулась мадам. – Ты же знаешь, мое слово крепко. Через три дня я рассчитаюсь.

– Идите за мной, – бросила Жозефина в пространство, направляясь к выходу.

Не оглядываясь больше, Матильда последовала за ней. Прощай, знакомый бордель, здравствуй, неизвестность.

И только переступая порог и шагая на улицу, где мадам Жозефину ждала запряженная сивой лошастью коляска, Матильда про себя попросила «того, кто наверху»: пусть мсье Товиль ее найдет как можно скорее!

Глава 3, задом наперед, все наоборот

Где-то на задворках Брийо

Андрей

– Князь Андрей Волков умер, да здравствует мсье Андре Вульф, – пробормотал под нос Андрей и огляделся.

В этом районе Брийо он не бывал. Слишком грязно и вонь стоит такая, что слезы из глаз. Или рыбный рынок рядом, или речной порт, а может быть, то и другое. Под ногами что-то склизкое, стены тупичка, в который привел портал, изрисованы углем и загажены.

Сунув руки в карманы, Андре быстрым шагом направился к выходу из тупика. Найти извозчика, добраться до поверенного, взять деньги – а дальше можно будет отправиться к Морису. Наверняка вместе они что-нибудь придумают! Да и наверняка отцу вскоре надоест пугать непутевого сына, он выпросит у императора помилование, и все вернется на круги своя.

Представляя, как вернется домой, попросит прощения у матушки и даже поглядит выбранную ею невесту, Андре шагал по узкой улочке. По сторонам он не смотрел, а зря. Не успел он выйти из переулочка, как прямо перед ним что-то упало, и его обдало грязной водой.

– Проклятье! Не видишь, куда льешь, дура? – стряхивая с жалкой, и без того грязной одежки рыбный хвост, Андре поднял взгляд на открытое окно.

– Заткнись, отребье! – каркнула старуха в чепце, высовываясь из окна и потрясая помойным ведром. – Иди себе мимо!

– Ах ты, свиное рыло! – рука привычно потянулась к эфесу шпаги, не то чтобы Андре собирался в самом деле ей воспользоваться против старой перечницы, просто привычка. Но шпаги не было.

Проклятье. Без мундира, в обносках Андре все равно оставался князем. А вот без оружия он чувствовал себя голым.

И без того гадостное настроение упало на самое дно. Неужели это все – всерьез? Без денег, без оружия, без имени и семьи – навсегда? Да нет, не может такого быть. Все образуется. Как-нибудь.

Забыв о старухе, Андре ускорил шаг и сунул руку в карман. Надо же чем-то платить извозчику, наверняка завалялось хоть несколько монет!

В кармане нашлась что-то скомканное, тряпичное. Кошель? Вытянув находку, Андре снова выругался. Никакого кошелька, просто черная тряпка, выбросить ее к демонам... или нет? Почему черная? Развернув находку, он хрипло рассмеялся, почти закашлялся. Это была маска. Дешевая, простая черная полумаска, в каких обычно дерутся на дуэлях, чтобы жандармы не узнали.

Merde!

Отцовская предусмотрительность во всей красе. Ни медяка денег, зато – маска. Чтобы никто не видел лица казненного князя Андрея. Нет вас больше, Андрей Михайлович, нет и не было. Проклятье!!! Найти бы ту дрянь, что вложила окровавленную шпагу в его руку! Найти, набить морду и выпросить: зачем? Серьезных врагов у Андре не водилось, в политику он и сам не лез, от всевозможных партий отмахивался, да и в стольном Владимире появлялся редко. Прогрессивная Франкия ему нравилась куда больше, да и от отцовских нотаций подальше. К тому же тут никто не смел беззастенчиво поджимать губы на бездарного выродка. Как будто

он виноват, что Единый не дал ему дара! Как будто он сам, вылезая из материнской утробы, назло отцу отказался от фамильной магии! Так какого демона вся родня, все отцовские друзья смотрят на него, как на злодея какого? На себя бы лучше смотрели! Пни старые! Вершители мировых судеб, курва мать!

Наверняка или отец переборщил с воспитательными мерами, или кто-то из его заклятых друзей все устроил. Знали, сукины дети, что князь Михаил поверит в любое дерьмо, лишь бы виноват оказался Андрей – позор рода, темное пятно на репутации и прочая, прочая.

В то, что он сам убил наглую дрянь, именуемую сыном Всерадетеля, Андре не верил ни на грош. Чтобы он, князь Волков, марал руки о святошу? Да бабка с помойным ведром – и та больше достойна удара благородной шпагой, чем это недоразумение, посещающее бордели с молитвословом! Тьфу! Да и не настолько он вчера был пьян, чтобы ничего не помнить. Когда женился, и вовсе был почти трезвый. Вот Мими... или Лулу? Короче, шлюшку он помнит отлично!

А ведь если князя Волкова казнили, то шлюшка получается вдовой. Однако какой милый сюрприз будет батюшке, когда шлюшка придет к нему требовать вдовью долю!

Представив, как скривится князь Михаил, Андре улыбнулся и надел маску.

– Эй, извозчик! – Андре махнул рукой проезжающей мимо пролетке.

Сукин сын и не подумал остановиться, только презрительно фыркнул.

А шпаги нет, рука снова схватила пустоту. Merde!

Выдохнув и медленно досчитав до десяти, Андре отправился дальше, к стоящей на перекрестке коляске. Уж этот-то не проедет мимо.

– На улицу Менял, дом семь, – приказал Андре, ставя ногу на подножку.

– Деньги покажь, оборванец. – Кучер обернулся, уперев руку с кнутом в бок.

– Приедем – расплачусь. Трогай. – Андре стоило серьезных усилий не обругать зарвавшегося смерда.

– А ну слазь! – Кучер нахмурился. – После тебя еще коляску мыть!

– Трогай, любезный, – процедил Андре... и едва успел увернуться от кнута, хлестнувшего наотмашь, но не успел – от пинка, сбившего его в пыль.

– Проваливай, пьянь. Проспись в канаве. Да скажи спасибо, что не сдал тебя жандармам за бродяжничество! Слыхал о новом законе? Так-то! – Кучер ухмыльнулся, поигрывая кнутом.

Но Андре это не остановило. Глаза застила красная пелена: какой-то смерд посмел пнуть его, русского князя!

– Ах ты, сучий потрох, да я тебя!..

Сжав кулаки, Андре набросился на извозчика и принялся его колотить. Плевать, что тот был крупнее и с кнутом, много ему проку от кнута в ближнем бою!..

Кто его оттащил от смерда, Андре толком не понял. Просто в какой-то момент его кулак вместо кровоточащей каши, в которую он превратил морду хама, встретился с капканом. А сам он отправился в полет до сточной канавы, стукнулся затылком о камень и начал проваливаться в темноту.

– Бешеный, – прохрипел кто-то.

Где-то сверху слышались голоса, кто-то пинал Андре по ребрам, но все это было неважно. Надо было как угодно выкарабкаться из темноты, потому что там, в темноте, ждал имперский палач. Он ухмылялся Андре и похлопывал кнутом по огромной, больше похожей на медвежью, ладони.

Почувствовав, как кто-то вздернул его за ворот, Андре попытался брыкнуться.

– Смотри-ка, он еще дрыгается! Пьянь, а туда же! Ну-ка, наподдай отребью! Нехай помнит!.. – сливались в одно несколько голосов, и среди них Андре почти различал голос отца. Или ему казалось?

– Бросай его, жандармы! – крикнул кто-то, и Андре упал в мокрое, холодное и вонючее. Послышался удаляющийся топот и тут же – по-военному четкие шаги двух пар ног. Пока еще далеко.

Жандармы? За ним? Merde!

В голове мутилось, все тело болело, жалкие домишки перед глазами расплывались, ноги не слушались. Но Андре, сжав зубы (вроде целы, повезло!) и проклиная смердов, жандармов и собственного отца, поднялся, держась за стену, и, пока жандармы не подошли близко, почти упал в щель между домами.

– Куда он делся? – через мгновение послышался голос одного из жандармов.

– А демон его знает. Тебе оно надо?

– Не-а. Хватит на сегодня бродяжек, я только мундир почистил. Жужу не любит, когда от меня воняет.

Оба жандарма рассмеялись.

Андре, скорчившись в щели, молил Единого, чтобы они прошли мимо. Конечно, Морис вытащит его из участка, не впервой, но сукины дети сейчас не признают в нем князя, а значит – могут отбить почки. Или сунуть на дорожные работы безо всяких разбирательств. Проклятье! И зачем им с Морисом встряло придумать новый закон против бродяжничества? Хороший закон, правильный, если уж на то пошло: обязать бродяг работать на государство. Дороги мостить, канавы копать и всячески благоустраивать город. За казенное жилье, кормежку и плату, разумеется. Что там, два гроша в день? Вот нужны ему сейчас эти два гроша! Merde!

По счастью, жандармы куда больше интересовались прелестями Жужу, чем очередным побродяжкой. Так что через несколько минут Андре выбрался из щели между домами, отряхнулся – хоть это и было бесполезно, после сточной-то канавы – и постарался вспомнить карту Брийо. Ему срочно надо было попасть на улицу Менял, получить свои деньги, привести себя в порядок и добраться до дворца.

Андре дошел до улицы Менял, когда солнце уже клонилось к закату. Пришлось поблуждать. Франкская столица с точки зрения безденежного бродяги выглядела совсем иначе, чем из кареты принца или хотя бы седла любимого скакуна. Отличного скакуна! Вот только пока Бриз мирно отдыхает в дворцовых конюшнях, его хозяину приходится идти пешком. В грубых башмаках. Как простолюдины такое носят? Полдня – и ноги Андре сбиты в кровь! От боли в ногах его отвлекала лишь боль в треснувших ребрах, разбитой голове и урчащем от голода животе. Но он добрался до места! Все, на этом его приключения можно считать оконченными.

Вот он, дом номер семь.

Не обращая внимания на косые взгляды дворника, подметающего тротуар, Андре поднялся на крыльцо и постучал в дверь.

– Убирайся, рвань! – было первым, что он услышал через крохотное зарешеченное оконце в двери.

– Открывайте. Мсье Бурве меня ждет, – привычным холодным тоном велел Андре.

За дверью запыхтели, затопали, но не открыли. Вместо этого в оконце просунули тощий кошель и тут же оконце захлопнули.

Поймав кошель, Андре выругался. Отчаянно хотелось пить, да и лекарю показаться не мешало бы, но унижаться и просить подлых мещан о милости?! Ни за что! Он князь, и если ему на роду написано умереть молодым, то он и умрет, как подобает князю, а не жалкому червяку!

Расправив плечи и задрав подбородок, Андре спустился с крыльца и сунул кошель в карман. Судя по весу, денег там было всего ничего. Но на привести себя в приличный вид и отобедать – хватит. А дальше... А дальше – видно будет. Морис наверняка подыщет для друга непыльную службу при дворе, а пока, без сомнения, одолжит сотню-другую франков.

– Эй, извозчик! – крикнул Андре проезжающей мимо пролетке и помахал зажатой между пальцев монетой.

На сей раз извозчик остановился и со всем уважением спросил:

– Куда доставить мсье?

– Магазин «Саш», любезный, и поторопитесь.

Откинувшись на спинку сиденья, Андре прикрыл глаза и улыбнулся. Подумаешь, лишился имени и семьи! Невелика потеря. Может, оно и к лучшему – теперь он свободен, как ветер! И наконец-то может жить в свое удовольствие, не оглядываясь на мнение старого пня, по какому-то попущению небес оказавшегося его отцом.

Брийо, Пале-Рояль

Морис, герцог Ланжерский, второй сын императора Франкии

– Почему бы и не поохотиться на ваших прекрасных оленей, дорогой мой друг? – Морис зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью. – Как-нибудь осенью. Руанские леса осенью весьма... э... весьма, да.

– Для меня будет огромной честью принять вас, сир, в моем замке. В вашу честь я устрою невиданное огненное представление, сир. Моя дочь, Летиция, мечтает о встрече с вашим прекрасным высочеством.

– А, крошка Летиция, как же, помню.

– Крошке уже пятнадцать. Прелестный невинный цветок, сир, – старый интриган едва ли не подмигивал Морису, обещая позволить сорвать невинный цветок, лишь бы второй сын императора оказал милость и явился в гости. Где его, несомненно, попытаются или вовлечь в очередной заговор против императора или скомпрометировать.

Как они надоели, эти интриганы! Что ни граф – заговорщик, что ни герцог – оппозиция, что ни барон – недовольная всем на свете сволочь, жаждущая урвать кусочек пожирнее. Впрочем, от титула степень пакостности характеров не зависит. Как и нежелание видеть дальше собственного носа.

– О, целых пятнадцать. – Морис лениво повел бровью, и граф Лавуа поспешил налить ему вина.

– Летицию не зря называют Руанской розой, сир.

– Ладно, уговорили. Олени и розы... м-да... – Морис опять зевнул и махнул рукой, мол, надоели вы мне. – Ступайте, граф, готовьте пир.

– Э... сир...

– Осенью, дорогой мой, осенью, я же сказал. Лето надо проводить на море, в Нитце. Впрочем, можете привезти крошку Летицию в Нитц, мы с ней снова поиграем в мяч.

– Конечно, сир. – Ухоженная борода графа от верноподданнического восторга восторжничала, а выцветшие глаза засверкали. Видимо, возлагает на дружбу с младшим принцем большие надежды. Что ж, пусть возлагает. – Благодарю вас, сир.

Морис прикрыл глаза, не желая больше слушать исходящих патокой речей, и жестом велел всем придворным удалиться из опочивальни.

Надоели. Сохрани Единый, как же надоели! Скука смертная эти придворные интриги! И ведь ни одна хитромудрая задница даже не подумала, что Морису императорская корона нужна, как лягушачья икра. То ли дело Андре, вот он прекрасно понимает Мориса. Надо послать за ним и отправиться в город кутить. Надо поддерживать репутацию безмозглого раздолбая, да и заниматься делами без передышки – не его призвание. Он всего лишь младший принц, не надежда и не опора, а почти свободный человек.

Морис открыл глаза, когда дверь закрылась за последним из подхалимов, называющих себя верными друзьями принца. Конечно-конечно, друзья. Как же.

– Платье для выхода в город, Рене, – велел он камердинеру.

– Опять кутить, ваше высочество? – прозвучал почтительный, но с отчетливым привкусом насмешки голос. – Или скажете всем, что отправились к куртизанкам, а сами – в банк?

– Тьфу ты, – сморщился Морис. – Д'Амарьяк, ты научишься когда-нибудь стучаться?

– Как прикажете, сир. – Невыразительно-тусклый человек с ледяными глазами поклонился.

Морис снова поморщился. Конечно, он уже давно понял, что приставленный к нему отцом командор ордена Белой Лилии вовсе не наказание, а охрана и помощь. Но методы... Демоны бы драли его методы! Кланяется так, что сам церемониймейстер не придерется, всегда идеально вежлив и услужлив, но как глянет – так сразу морозом и продирает. Темный маг на имперской службе. Порождение Зла.

– Ну? – хмуро спросил Морис, жестом приказывая Д'Амарьяку налить себе вина.

Не то чтобы он собирался его пить, но одним из приказов отца Д'Амарьяку было отучить младшего сына от неумеренных возлияний. Мелкая месть, конечно же, детская. А плевать. Надо поддерживать репутацию раздолбая.

– Новости из России, сир. – Командор послушно долил вина в наполовину полный бокал принца и даже не позволил себе ни единого неодобрительного взгляда.

Скучно. Демонски скучно! Когда Д'Амарьяк реагировал, пить было намного веселее!

– Ну? – повторил Морис, с отвращением глядя на вино.

– Сегодня в полдень князь Андре Волков был предан анафеме и казнен через повешение. Приказ подписал лично император Николай.

– Что?.. – Морис так сжал ножку бокала, что пальцы побелели. – Этого не может быть! Чтобы Андре... он же...

Он же был уверен в собственной неуязвимости! Он же из всех авантур выходил сухим, а из дуэлей – без единой царапины! Он же... Он был единственным, с кем Морису было по-настоящему весело, кому Морис искренне завидовал. Не богатству, происхождению и прочей ерунде, а изумительной, небрежной легкости бытия. Чтобы Андре – и казнен через повешение?!

– Сожалею, сир. Князь Михаил Волков не присутствовал, как и княгиня Волкова. Казнь состоялась в тюрьме Второго Жандармского Управления.

– Вжух, – бездумно повторил Морис только им с Андре понятную шутку. Совсем не смешную. – За что?

– Осведомитель сообщает, что сегодня ночью был найден мертвым сын Всерадетеля, а утром сам Всерадетель ждал пробуждения императора. Князь Михаил явился сразу после него, но приказ о казни князя Андрея уже был подписан. После визита к императору князь Михаил подал в отставку с поста военного советника, а днем удалился в родовой замок Стославский.

– Вы уверены, что это связано?.. – спросил Морис, сам понимая глупость вопроса. От ощущения собственного бессилия хотелось орать, ломать мебель и убить к демонам собачьим проклятого темного мага, который ровным счетом ничего не сделал, чтобы спасти его друга.

Но самое поганое, что сам Морис ничего не сделал. Вчера вечером они с Андре немного пошумели в ресторации близ Балоньского парка, искупали в фонтане парочку особо мордатых жандармов, отметили шампальенским последний день неженатой жизни Андре. Князь Михаил приказал сыну немедленно жениться, а для этого вернуться в Россию к выбранной им невесте. Андре, земля ему пухом, решил исполнить отцовское повеление в своем духе – и выбрал для женитьбы самый паршивый бордель и самую глупую шлюху. Идиотская затея, о чем Морис ему и сказал. Но разве Андре остановишь? Да и не особо-то хотелось. Морис при всем желании не мог себе позволить женитьбу на шлюхе, хоть бы ему в сто раз сильнее хотелось насыпать соли на хвост собственному отцу. Но положение кронпринца, мать его. Мать его!!! Зачем он оставил

Андре одного?! Подумаешь, напился бы с ним вместе, не в первый же раз! Но если бы Морис был рядом, смог бы что-то изменить! При нем никто бы не посмел тронуть Андре! Никто!..

– Ну? Рассказывай, – велел Морис шевалье Д'Амарьяку и махом опрокинул бокал.

Командор с каменной физиономией начал доклад:

– Нам точно удалось выяснить лишь, что в час ночи князь Андрей покинул заведение мадам Фифи. Был он чрезвычайно пьян и вел себя странно. Даже для князя Андрея странно. Его сопровождал денщик Стефан. Они взяли извозчика, но проехали всего три квартала, после чего князь велел остановиться и принялся требовать цветов и шампанского для извозчицкой кобылы. Князь называл ее супругой, признавался в любви и пытался петь ей серенаду. Извозчик, перепугавшись, удрал. А примерно через четверть часа в том районе было зафиксировано открытие пространственного портала, работал неизвестный брийонской жандармерии маг. Возможно, портал был законсервирован в артефакте. Место выхода – предположительно русская столица, Владимир. Точнее сказать невозможно. Именно там, около двух часов ночи, и был найден труп. Деталей выяснить не удалось, кроме того, что подозревается дуэль.

– Андре не мог никого убить. Он отличный фехтовальщик, но не бретер! Это претит его характеру. Вот дать в морду он мог, а пачкать шпагу о тело презируемого им сына Радетеля... Нет, не верю! Его явно подставили. Но зачем?

– Результаты расследования засекречены, магическая экспертиза не проводилась.

– То есть дело посчитали ясным и без лишних доказательств. Сукины дети!

Командор согласно склонил голову. А Морис, швырнув пустой бокал в камин, принялся расхаживать по опочивальне. В голове не укладывалось!.. То есть все было закономерно и очевидно, но... но... неправильно все это было! Да, подстава обыкновенная, одноходовая. Рассорить князя Волкова с Радетелем и императором одним махом, лишит императора самого дельного советника – то есть опасного и соседям, и своим же, русским, ворукам.

– Русский император принял отставку Волкова?

– Пока это неизвестно, сир. Никакого официального объявления не было. Повеления покинуть столицу – тоже. Отъезд был инициативой самого князя Волкова.

– Умный шаг. Императору нет смысла изгонять того, кто ушел сам. – Морис попытался взять себя в руки и начать рассуждать здраво. – Так что интриганы могли и не достичь цели. А что князь Михаил, не просил о помиловании для сына?

– Нет, сир.

– Сукин сын. Мой отец никогда бы так со мной не поступил!

По крайней мере, Морису очень хотелось в это верить. Впрочем, в отличие от Андре, он взялся за ум, пусть и несколько не так, как того желал отец. Банковское дело, презрительно называемое ростовщичеством, всегда было уделом подлого сословия. Не подобает благородному человеку наживаться на беде ближнего своего и все такое. Морису было плевать, что и кому подобает. Он – принц. Он будет делать то, что хочет. Отец желает, чтобы Морис приносил пользу? Да на здоровье! Морис поможет отцу наполнить казну Франкии, но для начала – свою собственную. За банками будущее.

Они с Андре собирались в скором времени проверить одно дельце. Рискованное дельце, но очень полезное для репутации банкиров в целом и Мориса в частности. А теперь...

– Будут приказания, сир? – прервал его размышления Д'Амарьяк.

– Будут. Выясни все досконально. Кто, как и зачем подставил Андре. Кстати, денщик-то что говорит?

– Денщик пропал, сир. Я уверен, что его убили.

– Найди труп, подними и разговори.

– Прошу прощения, сир, но в Ордене не держат нечестивых некромантов.

– Ну так найди некроманта! Нечестивого! Да хоть святого, Д'Амарьяк! Чтобы через неделю максимум я знал имя убийцы. Андре мой друг, и я не хочу, чтобы память о нем была такой. Ты меня понял?

– Да, сир. – В глазах командора мелькнуло что-то похожее на уважение.

То самое уважение, которого Морис пытался добиться уже полгода. Ради которого и затеял авантюру с покупкой банка через поставных лиц. Но сейчас это все казалось неважным. Его друг умер. Взял и умер.

– Свободен. – Морис отвернулся от командора. И только когда тот был в шаге от двери, тихо сказал: – Не найдешь убийцу, лично отрежу тебе уши.

Д'Амарьяк промолчал, только через секунду тихо закрылась дверь. А Морис подумал, что сейчас бы и отец им гордился. Про уши он сказал в точности так, как говорил отец. И теперь Морис очень хорошо понимал, что это не было ни бравадой, ни политическим приемом, ни запугиванием. О нет. Просто он совершенно точно знал, что именно так и поступит. И Д'Амарьяк тоже это знал совершенно точно.

Подойдя к окну, Морис выглянул во внутренний двор. Идти в город одному? Нет. Выйти к придворным и устроить очередной балаган во дворце? Тем более нет. Убить кого-нибудь? Напиться? Трахнуть очередную фрейлину? Нет. Надоело. Все надоело. Демонами драный Андре, как не вовремя он вздумал умирать!

– Простите, сир, вам записка. – Слуга бесшумно возник рядом, предлагая Морису бумажный прямоугольник на подносе.

– От кого? – без малейшего интереса спросил Морис, краем глаза отмечая, что прямоугольник – это визитка одного из лучших портных Брийо.

– Человек в маске, сир. Он назвался Андре Вульф.

– Вульф?! – Морис чуть не подскочил на месте. – Вульф! Дай сюда!

«Прошу об аудиенции, сир. Ваш верный хвостатый вассал Андре Вульф».

Ах ты! Ах ты, сукин сын! Живой! Ну, я тебе... я тебя... сам тебе хвост оторву! Я тебе покажу вассала, мать твою!..

– Веди ко мне. Черным ходом, чтоб никто не видел!

Брийо, Пале-Рояль

Андре

Попасть во дворец оказалось целой историей. Назови он свое прежнее имя, и все двери бы открылись перед ним, вслед ему летели бы завистливые шепотки, а придворные дамы строили ему глазки и роняли платочки. Для неизвестного же в маске все было куда сложнее. И дороже. Да, именно дороже! Пришлось подкупать лакея, чтобы тот позвал Рене, доверенного камердинера Мориса. Потом пришлось убеждать Рене, что принц сильно разгневется, если ему не отдать записку. На убеждение Андре потратил один золотой франк из трех, оставшихся после посещения магазина, мага-целителя и обеда в любимой ресторации.

Что ж, франк – небольшая цена за возвращение собственной жизни в привычное русло.

Идя за Рене, Андре тихонько насвистывал забавную арию из новой постановки варьете «Всегда быть в маске – судьба моя!» Он всегда любил музыку и не пропускал ни одной премьеры и ни одной примадонны. А эта ария прямо в яблочко! Андре даже подумал было назваться мистером Икс, но здравый смысл подсказал не шутить так с Морисом. Вдруг не догадается? Вдруг Морис уже в курсе безвременной кончины лучшего друга и с горя напился? Тогда точно не узнает. В пьяном виде у Мориса туго с чувством юмора.

Андре ошибся. Морис не был пьян: прямые каштановые волосы причесаны волосок к волоску и перевязаны сзади бархатной лентой, на узкой носатой физиономии (фамильная «благородная выразительность» Буоннов) поблескивают очки в золотой оправе, тонкие губы сжаты, взгляд сосредоточенно бежит по строчкам каких-то даже на вид невероятно скучных финансовых документов. Воплощение занудства в занудном кабинете, достойном какого-нибудь сионайского ростовщика. Их общая шутка с банком, несомненно, была прекрасна, но несколько затянулась. Скучно же это – возиться с бумажками, тем более когда в Пале-Рояль чуть не каждую неделю привозят свеженьких девочек-дебютанток. При императоре красotka может сделать неплохую карьеру, а если не при императоре, то при одном из принцев.

Правда, Морис в последнее время не заводил постоянных фавориток, довольствуясь случайными связями. Ему, видите ли, интриги надоели, а фаворитка – это те же интриги, только еще и в постели. Что он, не человек, что ли, вместо здорового секса заниматься нездоровой политикой? Нет уж.

Андре не понимал его затруднений. Приказал девице занять ротик чем-то более полезным, и всех дел. Слушать еще, что там эти птички щебечут! Глупости какие. Еще большие глупости, чем среди бела дня копаться в нудных бумагах.

– Сир, – шедший впереди Рене поклонился Морису.

– Сыр, – шутливо скопировал его поклон Андре.

– Сукин ты сын! – Вскочив из-за стола, Морис кинулся к Андре, обнял его, хлопнул по плечу. – Я ж почти поверил! Ах ты, ах ты, сукин сын!..

– Чтобы я – и так бездарно сдох? Не дождутся! – Андре обнял друга в ответ.

– Не дождутся! – подтвердил Морис и оттолкнул Андре, подцепил пальцем маску. – А это зачем?

– Таинственности ради. Или ты думаешь, франкские служители Единобожия, увидев меня, не побегут докладывать Радетелю Всея Руси? Благодаря старому пню меня прокляли от дверей каждого храма в Руси, Славии, Триречье, Валахии... короче, во всех восточно- и западно-славянских закоулках. Баран!

– У него сын погиб, Андре.

– И поэтому должен погибнуть я, да? Я к этому слизняку пальцем бы не прикоснулся! Каминными щипцами бы побрезговал тронуть! Не то что собственной шпагой! Безмозглые кретины! Уроды! Морис, ты должен помочь найти того негодяя, который меня подставил!

– Андре...

– Этому сукиному сыну показалось мало лишиться меня жизни, он лишил меня даже имени! Я теперь не могу даже тебе сказать свою фамилию. Сгорю к демонам собачьим. В Светлом Очистительном Пламени, мать вашу!

– Андре! – от жесткого тона Мориса Андре вздрогнул и замолчал. – Успокойся. Сядь, выпей...

– Да, налей мне того руанского, сорок третьего года!

– Воды выпей, идиот! – Морис нахмурился.

Андре глянул на него с недоумением.

– Воды? Ты сдурел, приятель.

– Не я, а ты сдурел. И не смей мне тыкать, только по титулу, идиот! Хочешь, чтобы о тебе через полчаса знал весь Пале-Рояль, через час – вся Франция, а через два – Всерадетель?

– Ох же, демоны собачьи... – Андре упал в кресло и закрыл лицо ладонями.

– Вот тебе и демоны.

– Простите, сир. Больше не повторится.

– И не ерничай. Привыкай вести себя...

– Как твои жополизы? – В груди разгоралась детская, отчаянная обида.

Придя к Морису, Андре был уверен, что его неприятности закончились. Но как оказалось – они только начались. С унижения, мать его! Чтобы он, князь тысячелетнего рода Волковых, называл сиром франка, чьи предки нацепили корону на нечесаную башку всего-то в прошлом веке!

Merde!

– Как положено по протоколу. И не думай, что мне нравится. В белом ящике я видел этого сира.

Андре выдохнул. Медленно. И заставил себя повторить: Морис прав. Андре Волкова больше нет, весь вышел. А есть... а кто есть-то? Кто он такой, Андре Вульф, без роду и племени, без денег, без друзей...

Или все же не без друзей? Не отвернется же от него Морис, в самом-то деле!

– Рановато вам в белый ящик, сир, – выдавил из себя Андре.

Морис снова поморщился.

– Лучше помолчи пока. От твоего титулования мухи на лету дохнут. – Морис сел обратно за стол, подпер голову рукой и принялся барабанить по столу. Была у него такая привычка, думать под барабанную дробь.

И в самом деле, помолчать и успокоиться – самое верное решение. Не громить же кабинет его императорского высочества! Кабинет, подумать только. Вот до чего доводит общение с банкирами! Морис, широкой души человек, истинно благородный принц – и торчит тут, зарывшись в ворох бумаг, словно какая-то канцелярская крыса! Как сионай какой! Куда катится этот мир?

Не дождавшись от Мориса ни слова, Андре поднялся, достал из дальнего бюро бутылку янтарного, пятидесятилетней выдержки коньяка, налил в два низких бокала и один из них поставил перед Морисом, прямо на какой-то договор, а может быть, и гротеск, демон их разберет.

– Извольте, мой принц. – На этот раз у него получилось лучше. Почти естественно.

– Пьянь ты подзаборная, Андре, – вздохнул Морис, пригубив коньяк. – Не надирался бы, как конюх, был бы по-прежнему князем.

– Не факт, что живым, – пожал плечами Андре. – Не думаю, что подстава была случайной. Мне явно что-то подлили в вино, ты же сам знаешь – у меня не бывает провалов в памяти. А тут я ни демона собачьего не помню! Даже свою женитьбу, и то смутно.

– А не пил бы...

– От трезвенника слышу. Сир.

– Тьфу, идиот. Какой же идиот! – Морис допил залпом благородный напиток. – Итак, тебе нужно новое имя, документы, должность... Дай угадаю, князь Михаил выдал тебе пять су и послал в болото, самому ловить лягушек?

– Примерно так, – передернул плечами Андре.

Десять франков! Ему, князю! Да он на чай в ресторации больше оставлял! Merde.

– Этого следовало ожидать. Мне вот тоже приходится самому о себе заботиться. Казна пуста, налоги не плачены и все такое. «Франкия не может себе позволить оплачивать придурь глупого мальчишки», – зло процитировал Морис собственного отца.

– О, точно! – Андре хлопнул себя по лбу. – Моя доля в банке!..

– Которую ты проиграл на прошлой неделе. Мне, между прочим, пришлось ее выкупать у мерзавца Конте. Знаешь, сколько он с меня содрал?! Так что извини, друг, но доли в банке у тебя нет.

Андре молча сжал кулаки и покрыл себя, придурка, последними словами. Вот что ему стоило остановиться раньше? Или поставить не долю в банке, а хоть бы свое поместье под Владимиром? Дура-ак...

– Ладно, доли нет. Но хотя бы Бриз-то у меня остался?

– Бриз – да. Если князь Михаил о нем не вспомнит и не затребует в Россию. Или если его не заберет твоя вдова.

– Какая, к демонам, вдова?.. Ох же, merde, я не успел развестись!

– И князя Михаила ждет приятный сюрприз.

– С того света. Да ну, шлюшка и Бриз? Это не смешно. В конце концов, соврешь что-нибудь.

– А не буду я врать, Андре. – Морис глянул на него неожиданно остро, напомнив франкского императора. – Скажу правду. Подарил своему новому вассалу. Я же не могу бросить тебя на произвол судьбы. Но и дать серьезную должность тоже не могу, сам понимаешь. Что-то такое... ну, допустим, будешь моим лютнистом.

– При том, что ты терпеть не можешь музыку?

– Да плевать на музыку! Ладно, будешь учителем бриттского и славского языков, это правдоподобнее. Но ты мне нужен не ради ведра со струнами и не ради трепач с бриттами!

– А ради чего, Морис?

– Ты мой друг.

– Вассал, – едва сдерживая злость, поправил его Андре.

– Твою мать... да, вассал. Давай, сукин ты сын, на колени и приноси вассальную клятву. Ну?

– За каким демоном? Ты сдурел?.. Сир!

– Это я сдурел? Это ты прогулял все уроки! Как твой сюзерен, я имею право дать тебе и новое имя, и документы, и демона лысого! Я беру тебя под свою руку, идиота безответственного! Даю тебе защиту императорского рода! Ты!.. – Под конец Морис уже орал, нависая над столом.

– Все-все, я понял, не испепеляй меня на месте, пожалуйста! Очень страшный сюзерен!

– Идиот... – устало выдохнул Морис, падая обратно. – Учти, больше предлагать не буду. Нужна мне эта головная боль!

– Нужна.

Андре хмуро поставил полупустой бокал на стол Мориса. Он всеми фибрами души чувствовал, что в предложении вассалитета кроется подвох размером с Бриттский пролив, но другие варианты были куда хуже. Ведь сейчас он – никто и звать его никак. Ни документов, ни денег. В глазах закона он даже не дворянин!

– Тогда вперед, друг мой.

Мысленно пообещав Всерадетелю, отцу, русскому императору и особенно той суке, что его подставила, все кары небесные, Андре отошел от стола и встал на колени. Очень хотелось зажмуриться, чтобы хоть не видеть собственного позора, но он привык встречать все, что уготовила ему судьба, с открытым забралом. Значит, и сейчас будет так же.

– Именем Буоннов, перед лицом Единого, дарую тебе рыцарское звание и новое имя. – Морис коснулся его плеча обнаженной шпагой плашмя. – Принимаешь ли ты мой дар, шевалье Андре Вульф, и клянешься ли быть моим верным вассалом?

– Да, монсеньор. Клянусь верно служить вам до скончания дней своих. Моя жизнь – ваша жизнь, монсеньор. Перед лицом Единого. Да будет так.

Когда Андре прикоснулся губами к шпаге Мориса, его пронзил разряд, похожий на молнию. И что-то изменилось. А еще Андре показалось, что шпага светится – синим, с золотыми искрами. Наверное, солнце отразилось. Ведь не мог же Андре увидеть магию древнего ритуала? У него же нет дара и никогда не было! Определенно, показалось.

Глава 4, бизнес и ничего личного

Брийо, столица Франкии. Где-то в бедных кварталах

Матильда

Выйдя за порог заведения мадам Фифи, Матильда глубоко вдохнула воздух свободы и огляделась. После двух дней взаперти даже узкая, плохо замощенная и загаженная улочка без единого деревца казалась прекрасной. Хотя в целом картина мало отличалась от ожидаемой: типичный город доиндустриальной эпохи. Кирпичные и деревянные разномастные домики в два-три этажа, вторые этажи нависают над первыми, на балконах сушится белье. Кое-где вывески – ножницы, ботинки, поросенок с воткнутой вилкой и прочие кружки, некоторые даже с написанными названиями.

Обзор, конечно же, перегораживала похожая на катафалк карета, запряженная желтым конем с печальной мордой и кривоватыми ногами. Матильда невольно улыбнулась: этого мерина хоть сейчас на роль любимого коня некоего гасконского дворянина!

Оглянулась она тоже с улыбкой и даже помахала рукой бараку из красного кирпича с вычурной намалеванной на жестяном листе вывеской: грудастая девица с веером. Девица ее проигнорировала, видимо, потому что у нее живот болел. Здоровые люди так не кривятся и не выпучивают глаза!

На месте князя Матильда бы обходила заведение, где даже на вывеске уродина, десятой дорогой. Впрочем, она бы точно столько не выпила!

Оставалось надеяться, что у новой мадам дела обстоят лучше и с вывеской, и с работницами. По крайней мере, сама мадам выглядит куда лучше Фифи! Лет не более тридцати, стройная, с уложенными в сложную прическу рыжими локонами, одетая в строгое темно-зеленое платье, оттеняющее глаза. Так сходу и не скажешь, что владелица дома терпимости. Скорее молодая жена какого-нибудь прокурора или мануфактурщика.

Кстати о здоровье, молодости и красоте!

– Мадам?..

– Жозефина. – Новая хозяйка смерила ее изучающим взглядом и жестом велела забираться в карету.

– Мадам Жозефина, – спросила Матильда, сев на обитое затертым бархатом сиденье. – А лекарь у вас есть?

– Ты больна? – нахмурилась мадам.

– Насколько я знаю, нет. Но вдруг беременна? Или какая нехорошая болезнь... ой! – Матильда чуть не свалилась на пол, когда карета тронулась и тут же подскочила на колдобине, – ...приключилась?

Мадам вылупилась на нее, как на призрак отца Гамлета, а вторая девица – Лулу, с ней у Матильды вроде были неплохие отношения – захихикала, прикрывая рот ладонью. Может быть, потому, что у нее не хватало левого верхнего клыка, да и вообще зубы были не в порядке. В отличие, кстати, от мадам Жозефины и самой Матильды.

– Фифи не соврала, ты совсем дурочка. Когда на тебя наложили пустоту?

Матильда недоуменно заморгала. Какая еще пустота?

– Да всем обновили два месяца назад, – фыркнула Лулу. – Мими вечно все забывает. Не бойся, не забеременеешь еще девять месяцев, даже если захочешь.

– А что за нехорошие болезни? – не успокаивалась Жозефина, и Матильда уже пожалела, что спросила прямо. Надо было сначала у девиц разузнать местные реалии.

Черт, как же странно все это! Дикий век, с гигиеной плохо, с медициной еще хуже, да тут должны свирепствовать эпидемии! А они о дурных болезнях не слышали и умеют предохраняться какой-то «пустотой». С ума сойти!

– Ну, те, что передаются половым путем, – и, видя, что ее по-прежнему не понимают, перечислила самые явные симптомы.

– Ужас какой! – Жозефина осенила себя кругом, было очень похоже на то, как крестятся католики: двумя пальцами, начиная со лба, потом левое плечо, грудь, правое, и закончив жест прикладыванием пальцев к подбородку. Надо запомнить, обязательно! – Ничего подобного у нас нет и быть не может! Мы же не дикари какие! К вам что, моряки из Нового Света такое приносили?

– Не помню, – сделала жалобные глаза Матильда: Лулу подсказала ей отличный выход из всех неловких ситуаций.

– Дурочка, – Жозефина с жалостливым превосходством покачала головой. – У меня приличное заведение, не то что у некоторых! У моих девочек всегда есть очищающие настои, а каждую неделю их осматривает ведьма. Вам повезло, что Фифи задолжала мне... неважно, сколько, а у меня две девочки выскочили замуж. В самый сезон!

Лулу округлила глаза и опять прикрыла рот ладонью. А мадам Жозефина умиленно улыбнулась и пояснила с неприкрытой гордостью:

– Мои девочки выходят замуж с неплохим приданым. Габи взял булочник с Красной набережной! – прозвучало почти как «сам король».

Матильда поймала себя на том, что невольно улыбается. Мадам Жозефина определенно ей нравилась! Может быть, с ней получится договориться? Мадам явно заботится и о репутации заведения, и о девицах. С ее деловым подходом и знаниями Ольги Смирновой можно сделать отличный бизнес! А главное, Матильде не придется ложиться под клиентов.

Вспомнив пьяную солдатню, она поежилась. Нет, этого ужаса она избежит любым способом!

– А почему вы выбрали нас двоих? – спросила Лулу с интонацией «меня-то понятно, а эту дуру почему?».

– Понравились, – подмигнула ей мадам.

То есть вас не касается, да? Ага, сейчас не касается!

– Вам? – переспросила Матильда, уже не кося под овечку.

– Ишь ты, а говорили – дурочка, – рассмеялась мадам. – Не только мне. Тебя, красотка, на три дня выкупил имперский маг. Такой клиент – это же новый уровень заведения! Фифи иногда такая глупая курица. Упустить мага!

– Мсье нотариус, – автоматически поправила Матильда и чуть не прикусила язык. Кто ее просил лезть? Вот и Жозефина посмотрела на нее с подозрением, но тут же расслабилась, видимо, вспомнила о дурочке с дырявой памятью.

– Все имперские нотариусы маги, деточка. Маги на службе у императора.

Матильде захотелось зажмуриться и сжать виски ладонями, чтобы голова не лопнула. Дурдом на выезде! Магия, маги... бред, боже, какой же это бред! Может, все же она спит?

Однако нос и прочие органы чувств подсказывали, что не спит. Не бывает во сне такой реалистичной вони навоза и жестких сидений, отбивающих попу на каждой колдобине. И как Жозефине удастся сидеть ровно и с таким видом, будто ее на порше по автостраде катают? Или как будто она в кинозале сидит, с шампанским и устрицами – для колы и попкорна Жозефина была слишком прямой и нарядной.

Матильда и сама бы с удовольствием поверила в кино. Там, за окном кареты, был настоящий город эпохи Ренессанса! Из бедного квартала они выехали, так что улочки расширились,

дома словно расправили плечи, появилась зелень – палисадники, цветы на окнах и даже на крышах. По мостовой сновали коляски, всадники, фургончики. К обочинам жались пешеходы – то зеленщик с тележкой товара, то матрона с корзинкой на локте, то стайка быстроглазых мальчишек, то почтенный мсье в сопровождении важного слуги. А вот девочка-цветочница, продает фиалки... Сбылась мечта идиотки увидеть Францию восемнадцатого века. Кушайте, не обляпайтесь, Оль Санна.

Матильда! Никакой Оль Санны здесь нет. И чем скорее она это запомнит, тем больше у нее шансов на новую, длинную и по возможности счастливую жизнь.

Словно в насмешку, карета остановилась под вывеской «Дом сбывшихся желаний», около беленого здания с коваными балкончиками и увитой розами аркой перед входом. Вывеска тоже была оплетена розами, сбоку красовался толстенький амурчик. Невольно Матильда задумалась: какая здесь мифология? Религия – монотеизм, жрецы напоминают европейских падре, только носят белое, и вместо креста тут круг. Чертовски интересно! Надо будет расспросить аборигенов...

Так, мадемуазель Матильда! Закатали губу и погасили нездоровый блеск глаз. Вы тут не на раскопках и даже не на экскурсии. Хотя вот этот мордovorот под аркой так и просится на скалу, живописать. Высоченный, мощный, надбровные дуги выпуклые, лоб низкий, глазки злобные. Плечищи обтянуты мундиром, на поясе – шпага, на груди – блестящая медная бляха с перекрещенными мечами и птичьей головой.

Ага. Доспехов нет – значит, огнестрел тут прочно вошел в обиход. Мундир – достаточно простой, без свойственных Ренессансу финтифлюшек, больше похож на творение века этак девятнадцатого, причем второй половины. Странно!

– Ты что, никогда не видела Соколов? – спросила Жозефина, заметив интерес Матильды. – Вряд ли страж тебя поразил неземной красотой.

– А кто такие Соколы?

– Соколы Бдящие, гильдия охранников. В отличие от некоторых, я предпочитаю платить за безопасность им, а не портовому сброду. Деньгами платить, вы меня поняли? Никаких «своим даром»! А то знаю я этих прохвостов, увидят новенькую – и тут же подкатывают. И скидок им не делать! Пусть платят, как положено.

Матильда хмыкнула про себя: все понятно. Они не делают скидок Жозефине, а Жозефина – им. Бизнес, ничего личного. Прелестно!

– А вне работы? – пискнула Лулу.

Матильда с Жозефиной синхронно оглянулись на нее и синхронно подняли брови, потом переглянулись и чуть не рассмеялись нечаянному совпадению взглядов на мужскую красоту.

– В свой выходной делай что хочешь, – передернула плечами Жозефина, а у Лулу чуть глазки не выпали.

– Выходной?..

– Один в неделю. У нас приличное заведение, мы чтим кодекс.

О! Вот это прогресс! Тут есть Трудовой Кодекс! Или хотя бы что-то похожее. С ума сойти. Да во Франции восемнадцатого века о подобном извращении никто и не заикался. Законы Гильдий – да, но они ж для каждой были свои, а тут, похоже, Кодекс общий. Фантастика, да и только!

Мордovorот тем временем подмигнул Лулу, и та кокетливо повела плечиком. Жозефину же и Матильду он проигнорировал, понимая, что тут не обломится.

Дверь хозяйке открыл седой дедок, запакованный в алую ливрею. Поклонился мадам, окинул внимательным взглядом новеньких.

Внутренняя обстановка тоже разительно отличалась от борделя, в котором Матильда начала карьеру. В общем зале, куда они попали после прихожей, чувствовался вкус. Оттоманки

и мягкие кресла с низкими столиками – белое дерево, немножко бронзы, розовая парча. В углу барная стойка, за ней выставка бутылок. На стенах зеркала, цветы и картины весьма вольного содержания.

Матильда улыбнулась. Через пару веков эти картины будут стоять баснословных денег, их станут обсуждать с умными лицами, восторгаться и спорить, кто послужил моделями для бессмертных полотен. Пока же они украшают стены столичного борделя.

Кроме нарисованных, зал украшали и живые девушки. Они полулежали на оттоманках, сидели в креслах, двое играли в какую-то настольную игру. Все они были одеты в яркие открытые платья с короткими, выше щиколотки, юбками.

При появлении Жозефины гомон в зале стих, все с любопытством воззрились на новеньких.

– Мадам! – К Жозефине подбежала девица в синем форменном платье с передником, то ли горничная, то ли ряженая под горничную. – Полчаса назад прибыли сам шевалье де Блуа, заказали Жоржетту и ужин.

– Послали за ужином к Паулю?

– Конечно, мадам, все, как вы велели! – Горничная стрельнула глазами в сторону новеньких, но вопроса не задала.

Зато задала Лулу:

– Кто такой шевалье де Блуа?

Мадам посмотрела на нее с жалостью:

– Управляющий королевского дворца. Наш самый любимый клиент! Ничего, скоро вы будете знать всех важных господ в лицо.

– И не только в лицо, – жеманно хихикнула Лулу.

Мадам почти незаметно поморщилась и велела горничной:

– Познакомь Лулу с девочками и покажи ее комнату. А ты, – она кивнула Матильде, – иди за мной.

По дороге Матильда оглядывалась по сторонам. Фривольные картины и тканые обои на стенах, ковровые дорожки под ногами, чистые беленые потолки с лепниной, узкие окна в ало-розовых драпировках. Лестница с коваными перилами.

– Там комнаты девочек, – махнула наверх Жозефина. – Дальше мой кабинет, прачечная, кладовые и кухня.

– У вас еще и клуб-ресторан? – спросила Матильда.

– Нет, у нас не готовят для клиентов ничего, кроме напитков... хм... что за клуб-ресторан?

– Ну, я слышала про такое, – неопределенно пожала плечами Матильда.

– Расскажешь, – улыбнулась ей Жозефина, отперла массивную дверь с золотым купидончиком и, зайдя, указала на стул перед письменным столом. – Проходи, садись.

Сама мадам устроилась за столом и позвонила в колокольчик. Тут же примчалась еще одна горничная – на сей раз постарше и помассивнее первой.

– Шамьет и пирожные... – Жозефина внимательно глянула на Матильду и добавила: – Пирожки тоже неси.

Матильда благодарно кивнула: при слове «пирожки» у нее подвело живот. А еще очень хотелось спросить, что за шамьет такой, но она решила поменьше показывать свою дикость. Ну, насколько это вообще возможно.

– Итак, имперский нотариус, – приступила к допросу Жозефина. – Раньше он не посещал заведения Фифи.

Матильда только пожала плечами.

– Почему он выкупил тебя на три дня? И почему оставил одну?

– Наверное, потому что вчера он снял с меня какое-то заклятие. Он сказал, что меня похитили из благородной семьи и лишили памяти. Мсье нотариус был так добр, что пообещал увести меня из борделя и разузнать о моем прошлом, – выдала Матильда сокращенную версию.

– Ах вот как. – Жозефина нахмурилась. – Ну, Фифи, ну, курица... А ты сама что-нибудь помнишь?

– О семье – ничего.

– Так-так. И с чего мсье нотариус взял, что ты из благородных?

– Я умею читать и писать, знаю арифметику и алгебру, говорю на иностранных языках.

– Неплохо, неплохо. – В глазах Жозефины так и замелькали дензнаки, которые она зарабатывает на новенькой девице. – Чем ты так очаровала мсье нотариуса, что он решил принять в тебе участие?

– Я думаю, из чистого азарта, мадам. Мсье не любит нарушителей закона. Он что-то сказал про незарегистрированную ведьму, может быть, у него личные мотивы?

– Возможно, все возможно, – кивнула Жозефина с видом «ни на грош тебе не верю».

Ну и пусть не верит на здоровье. Ищите дуру выкладывать всю правду о себе в другом месте.

– У вас ведь не будет неприятностей из-за моего контракта?

Жозефина махнула рукой:

– Нет, что ты. Неприятности будут у Фифи. Говорила я ей, не связывайся с нелегалами! Так, вернемся к нашему делу. Какие языки знаешь?

– Русский и английский.

– Какой?

– Ну... Британия, Лондон, сэры и королева. How do you do?

– А, бриттский, – кивнула Жозефина. – Видно, у тебя еще откат от снятия проклятия не прошел, лепишь ерунду. И что мне с тобой делать? Напугаешь еще клиентов... впрочем, твое благородное происхождение – большой плюс к твоей красоте. Если ты еще и не дура, как говорила Фифи...

– А Фифи всегда говорит правду и ничего, кроме правды... – в тон ей продолжила Матильда.

– Не дура, – кивнула Жозефина и улыбнулась. – Что ж, тогда...

– Мадам! Ваш шамьет! – В дверь вошла горничная с подносом. На всю комнату запахло кофе и пирожками. С капустой и рыбой.

С трудом дождавшись кивка Жозефины, Матильда впилась зубами в пирожок. Она так увлеклась, что прослушала начало фразы:

– ...тебя ведьме.

– Какой еще ведьме? – чуть не подавилась Матильда.

– Нашей. М-да, с памятью у тебя полный швах. – Итак, покажу тебя ведьме, что-то не доверяю я Фифи. Если все в порядке, завтра начнешь работать.

На этот раз Матильда все же подавилась и раскашлялась, до слез из глаз.

– Да что ж за напасть такая! – нахмурилась Жозефина. – Так, не торопись, ешь спокойно.

– Прошу прощения, мадам, – пролепетала Матильда, ругая себя за неосторожность и жадность. – Но завтрашний день все еще принадлежит мсье нотариусу.

Жозефина подняла бровь:

– Тебя это не должно беспокоить, детка.

Твою ж дивизию! Надо срочно брать себя в руки! То есть Матильду. Не время бояться и расклеиваться. Но и бросаться в бой следует осторожно, чтобы не настроить мадам против себя. Как отвратительно от кого-то зависеть!

– Мадам Жозефина. – Вытерев руки салфеткой и выпрямившись, Матильда натянула на лицо несвойственное ему выражение деловой дамы. – Я вижу, ваш бизнес процветает. И вы наверняка заинтересованы в привлечении новых клиентов и росте доходов, не так ли?

– Ну, так. – Мадам заинтересованно улыбнулась.

– В городе далеко не одно подобное заведение, и в целом услуги одинаковы, не так ли? – Дождавшись кивка, Матильда продолжила: – Я знаю, как вы могли бы выделиться и привлечь новых клиентов. Мало того, удержать их.

– Неужели? Ну, рассказывай, детка.

Матильда улыбнулась и отпила кофе.

– Я не видела ваших девочек в подробностях, поэтому задам несколько вопросов, чтобы не предлагать то, что вы и так делаете, хорошо? Для начала: делают ли ваши девочки интимные стрижки?

– В смысле подстригают ли волосы внизу? Нет, зачем это?

– Мужчинам нравится. Или удалять все волосы, как делают на востоке, или, еще лучше, выстригать рисунки на лобке. Можно даже красить хной, басмой или индиго.

– Ты так делала? Покажи.

– Если вы дадите лист бумаги и карандаш.

– Карандаш?

– Ну, грифель. Или перо. Что-нибудь, чем можно рисовать.

Жозефина молча встала, покопалась в секретере и положила перед Матильдой лист бумаги и грифель. А потом внимательно, хоть и скептически смотрела на ее работу.

– Забавно, – прокомментировала она, разглядывая готовые эскизы. – Но не думаю, что эта милая мелочь серьезно что-то изменит. Что-то еще?

– Разумеется, что-то еще, – кивнула Матильда. – Стриптиз-шоу, ролевые игры, приватные танцы, эротическое меню, стилизации. Бонусные программы, привилегии.

– Сколько мудреных слов. – Жозефина покачала головой. – Откуда ты их набралась?

– Я много читала в детстве.

– Ах, читала, – протянула Жозефина. – Ладно, расскажи о чем-нибудь подробнее.

– Когда мы станем партнерами, с удовольствием.

Несколько мгновений Жозефина смотрела на нее с недоумением, а потом рассмеялась:

– А ты не промах, детка. Партнерами, скажешь тоже! Знаешь, сколько труда, денег и связей я вложила в этот дом? Не то что твой стриф... как его там... короче, не зарывайся.

– Я не зарываюсь, – пожала плечами Матильда. – Я вряд ли смогу вернуться к родным, они не примут шлюху. Но и не готова продолжать быть бессловесной постельной грелкой. В отличие от мадам Фифи, вы способны использовать шанс, даже если он кажется странным. Иначе бы вы не выкупили мой контракт.

– Сколько лести умещается на этом маленьком язычке! – хмыкнула мадам. – Если ты будешь так же обрабатывать клиентов, быстро выйдешь замуж и станешь обеспеченной дамой.

Матильда пожала плечами:

– Я не особенно хочу замуж. Сидеть дома, рожать детей и вести хозяйство? Скучно. Вот заниматься интересным делом, хоть теми же шоу, это совсем другое. Я предпочитаю быть свободной обеспеченной дамой. Как и вы.

Жозефина покачала головой и взялась за чашку с остывающим шамьетом.

– Говоришь ты красиво, но пока я не увижу реальных дел и дохода с твоих фантазий, ни о каком партнерстве и речи быть не может.

– Я понимаю, вы меня не знаете и не хотите рисковать. Это вполне разумно. Давайте для начала сделаем чуть проще? Я не хочу выходить в зал и обслуживать клиентов. Но я могу сделать для вас костюмированное шоу, это будет моим первым вкладом.

– Что за костюмированное шоу?

– Оформим зал в духе восточного сераля, оденем девушек в экзотические одежды. Подадим шербет, пахлаву и прочие восточные сладости. Если кто-то из девушек умеет играть на струнных или духовых, совсем хорошо, потому что нужна будет музыка. Или же нанять музыканта. И раздать всем, кто заходит к нам, приглашения на шоу. Само шоу будет бесплатным, первый бокал вина – тоже, а вот дальше клиенты будут платить за девушек и угощения.

Пока Матильда описывала самое простое шоу, у Жозефины разгорались глаза. А вот когда Матильда замолчала, та недоверчиво фыркнула.

– Это большие траты. Очень большие! А если не окупится?

– Мое дело предложить, – улыбнулась Матильда. – Могу написать план, что потребуется из материалов, продуктов, какое обучение. Восточные танцы я могу поставить сама, нам же не нужны настоящие, всего лишь стилизация. Да и не такие уж большие траты, костюмы для сераля довольно просты, оформление зала – и того проще. Всего лишь нужно много ярких тканей, часть из них прозрачных. Наверняка можно закупить оптовую партию у тех, кто привозит товар. Минуя магазины.

– Хм... ладно, я подумаю. А пока – бегом к ведьме. – Жозефина позвонила в колокольчик и велела явившейся на зов горничной отвести новенькую на осмотр.

– Мадам, так что насчет общего зала? – понимая, что рискует нарваться, все же не удержалась Матильда.

– Пиши свой план, детка. Сегодня и завтра ты свободна, а дальше посмотрим.

Выйдя из кабинета мадам, Матильда облегченно выдохнула. Что ж, партнерство она не выторговала, но дело сдвинулось. Ее выслушали, дали два свободных дня и возможность написать план. Конечно, остается риск, что план Жозефина использует, а саму Матильду отправит обслуживать клиентов. Но хотя бы не сегодня! А дальше – или явится нотариус с деньгами за развод, на них Матильда выкупит свой контракт и предложит Жозефине войти в долю не только идеями, но и деньгами... или случится что-то еще. Шах или ишак. Ишак или шах.

Глава 5, о гениях и злодеях

Брийо, «Дом сбывшихся желаний»

Матильда, два дня спустя

Расслабляться было нельзя. И увлекаться тоже. Но кто бы знал!

Из визита к ведьме Матильда запомнила лишь чистую маленькую комнату без малейших намеков на хрустальные шары и прочие связки лягушачьих лапок, и худую белесую девицу лет двадцати на вид, больше всего похожую на медсестру. Никакой интересной информации ведьма не дала, ни на один вопрос не ответила и в целом показалась Матильде крайне нелюдимою особой.

Первый же набросанный Матильдой план Жозефина одобрила и велела приступить. Быстренько! Чтобы послезавтра все было готово!

– Ткани? Краски? Сладости?

– Тебе повезло, детка. По соседству закрывается лавка тканей, я забрала все по дешевке. Дам тебе в помощь горничных и юного гения, дон Даэли.

– Какого еще гения?..

– Идем, сейчас познакомлю.

Ее карьера постановщика эротических шоу началась, как водится, с форсмажора. Для начала ткани из соседней лавки оказались совершенно неподходящими для сераля. Никакого тебе газа и шелков, все больше муслин и полотно. Матильда даже не стала задавать вопроса, как из этого сделать арабские костюмы – потому что ответ был «никак».

– К демонам сераль, сделаем пиратский бриг! Полотно на паруса, шерсть и муслин на наряды. Девушки будут отлично смотреться в косынках, завязанных на животе рубахах и коротких штанах, главное – добавить яркие пояса и побольше побрякушек. Вы любите море, дон Сальваторе?

– Какой испалиец не любит море! – тут же воодушевился юный гений.

Он сразу произвел на Матильду неизгладимое впечатление. Лет восемнадцати, худой и угловатый, с декадентскими тонкими усиками и вдохновенным блеском миндалевидных глаз. А от фамилии Матильда и вовсе чуть не начала заикаться: Сальваторе Даэли. Таких совпадений не бывает, подумала она, прикинула возможную стоимость его работ в будущем и решила, что этого гения она берет под свое крыло. Прямо сейчас.

Два дня Матильда провела, обучая девиц канкану и эротичным словечкам типа «кар-рамба», «коррида» и «чьорт побьери», разыскивая на чердаке и у старьевщика антуражный хлам. Еще она объясняла дону Сальваторе на пальцах, что нужно для шоу. Как выяснилось, он задолжал Жозефине, так что за работу она ему не платила ни гроша, лишь кормила и позволяла щупать девочек. Но только щупать!

Впрочем, когда дон Сальваторе творил, то девочек в упор не замечал. То есть – кроме Матильды. Ее он сразу назначил своей музой, изливал ей душу и требовал то вина, то шелкового жаккарда, то каких-то диковинных цветов, то тишины, то восторгов...

– А черта лысого не надо? – ласково осведомилась Матильда, когда дону Сальваторе стукнуло в голову заменить драпировку на оттоманках, а только что натянутые Матильдой и двумя горничными полотняные драпировки, изображающие паруса – на рыболовные сети с искусственным жемчугом. За два часа до открытия! – У нас нулевой бюджет и ни секунды

лишней. Видишь эти ткани? Других нет и не будет. Дорисовывай уже море! Скоро клиенты придут!

Гений нервно дернул верхней губой, украшенной мазком синей краски, состроил печальные глаза и воззвал к безответному небу:

– Совершенно невозможно работать! Ты не понимаешь!..

– Понимаю, – оборвала его Матильда, – что я бегаю вокруг тебя вместо того, чтобы разучивать с девочками танцы. Сальваторе, амиго, не надо делать высокое искусство, сделай красиво для нормальных людей, прошу тебя.

– Bravo, bravo! – раздался незнакомый голос. Мужской. Глубокий. Холодный до такой степени, что по спине Матильды побежала струйка ледяного пота. – Прелестная мадемуазель умеет обращаться с художниками.

– Благодарю, мсье, – обернулась Матильда к незнакомцу, невесть откуда взявшемуся в борделе поутру. – Как видите, мы пока закрыты.

– Не беда. – Незнакомец улыбнулся одними губами.

Матильду передернуло. Не то чтобы он был уродлив, нет. Незнакомец был обыкновенным. Длинноватый нос, узкие губы, серые близко посаженные глаза и светло-мышастые волосы, средний рост, среднее сложение. Чем-то он напоминал кэгэбиста. Наверное, пронизывающим взглядом.

Улыбка ему, кстати, совершенно не шла, делая холодные глаза и вовсе ледяными.

– Вы к мадам Жозефине? – попыталась сплавить его подальше Матильда.

– Нет, что ты. Я к тебе, Матильда.

Сердце упало и замерло ледяным комком где-то в животе, дыхание перехватило, перед глазами замелькали черные мушки.

«Почему я так боюсь, он же совсем не страшный? Ничего не понимаю», – подумала Матильда и, глянув вниз, обнаружила свои пальцы намертво вцепившимися в спинку кресла.

– Я польщена, мсье. – Она отступила за кресло и кинула панический взгляд на дону Сальваторе. Но тот куда-то исчез. Мелкий трус! – Наверное, стоит позвать мадам...

– Не беспокойся, мадам доложат, что ты со мной. Идем-ка, детка, покажи мне свою комнату.

– Простите, мсье, но мадам не разрешает... – Горло пересохло, и слова приходилось выталкивать с усилием.

– Разрешает. – Мсье снова улыбнулся, напомнив Матильде приноживающуюся змею. Дурацкая ассоциация!

– Но мы даже не знакомы, – пролепетала она и, поняв, что сейчас упадет в обморок от иррационального страха, приказала себе: соберись, тряпка! – Простите, мне пора, – добавила она тверже и метнулась к выходу.

– Стоять, – остановил ее тихий приказ.

Матильда замерла, не понимая, что с ней? Всего лишь слова! Почему она?.. И тут вспомнила мсье Товия и свое удушье.

Твою дивизию! Опять маг?! Не было печали! Развернувшись обратно и отметив грязноватую дымку вокруг мага, она хмуро спросила:

– Кто вы такой и какого хрена вам нужно?

– Неплохо, неплохо, – пробормотал незнакомец под нос и подошел к замершей на месте Матильде. – А в тебе есть искра. И упрямство.

– Какого хрена вам нужно? – зло повторила она.

Чертов маг вызывал в ней взрывную смесь страха и ярости. До дрожи. До холодного пота по спине. До бешеной скачки пульса и отчаянного желания огреть его ледорубом. Насмерть.

– Обойдемся без овощей, Мими. – Он коснулся ее щеки пальцами. Теплыми и сухими, а не холодными и влажными, как ей представлялось. Однако Матильду передернуло, а желание

убить его на месте стало и вовсе нестерпимым. – Какая горячая девочка. Идем, побеседуем тет-а-тет.

– Никуда я с вами не пойду! Оставьте меня! – Матильда чуть не прикусила язык от злости: голос сорвался и вообще звучал слишком панически. Курица трусливая. Соберись, тряпка! – Я не из девочек мадам Жозефины. Я тут не работаю.

– Ай-ай-ай, врать нехорошо, малышка Мими. За вранье девочек наказывают, ты знаешь как?

– Не знаю и знать не хочу. Оставьте меня в покое, кто бы вы ни были! – Она невероятным усилием воли заставила левую ногу оторваться от пола и сделать шаг назад. Крохотный шаг. И второй. И третий. И почти обрадовалась, что ей удалось сбежать, но незнакомец коротко рассмеялся и щелкнул пальцами:

– Стоять.

Матильда замерла, не закончив шаг, и едва не упала.

– Извращенец, – выплюнула она.

– Какая пронизательность! Ты начинаешь мне нравиться, малышка.

– А вы мне – нет.

– Ничего, это нам не помешает... О, мадам Жозефина, какая встреча! – Незнакомец повернул голову к боковой двери в зал и дернул левым уголком рта, обозначая вежливую улыбку.

– Шевалье Д'Амарьяк, – раздался приторно-ласковый голос Жозефины. Такой приторный, что Матильда сразу поняла: мадам ей не поможет. А если шевалье извращенцу вздумается ее изнасиловать, еще и поддержит. Потому что боится его до усрачки.

– Что же вы не сообщили мне, что у вас такое чудесное пополнение? Нехорошо.

Матильда спиной почувствовала, как Жозефина вздрогнула и прерывисто вздохнула.

– Как, неужели вы не получили приглашение на сегодняшний вечер? – Мадам частила. – Я посылала с курьером. У нас сегодня новая программа, эротические танцы. Мадемуазель помогает с организацией...

– Потом, – оборвал ее маг. – Поддай мне обед и бокал коньяка через час. В комнату Мими.

– Да, шевалье. – Мадам не позволила себе ни намека на обиду.

А Матильда на миг зажмурилась. Смотреть на Д'Амарьяка она не могла и не хотела, как и принимать участие в собственном изнасиловании. Пусть делает с бревном что хочет, извращенец. А она... она будет думать об Англии. И мести. Она обязательно найдет способ отомстить мерзавцу. Рано ли поздно.

– Мими, что ты застыла столбом? Проводи шевалье Д'Амарьяка и будь нежна! – В голосе Жозефины прозвучало предупреждение, вот только Матильде оно не пригodiлось. Нежна? С этим? Да ее трясет от отвращения! – Шевалье Д'Амарьяк наш самый дорогой гость!

Матильде очень хотелось сказать все, что она думает о гостях-извращенцах и честности Жозефины, но она подозревала, что от скандала толку не будет. Этот шевалье, мать его жаба, лишь порадуетса бесполезному сопротивлению.

Ага. Сопротивлению, значит, порадуетса... ну точно! Жозефина же сказала – будь нежна. Понял, не дурак, дурак бы не понял...

Глубоко вдохнув и задержав дыхание, чтобы немножко успокоить бешеный пульс, Матильда кинула на шевалье внимательный взгляд. Извращенец – определенно. Наверняка садист. Заводится от сопротивления. Что ж, если невозможно избежать насилия, можно хотя бы обломать ему кайф. Расслабиться. Притвориться няшечкой.

Все внутри нее орало и возмущалось, требовало убить сволочь на месте и сплестись на трупе, но Матильда заставила себя расслабить плечи, разжать кулаки и мило улыбнуться.

– Идемте, дорогой гость. – Она бы пропела, если бы не горло чуть меньше перехватывало, но ничего, и так сойдет.

Судя по нахмуренным бровям шевалье, покладистость ему не понравилась.

Вот и хорошо. Вот и отлично. Я буду милой девочкой, ты расслабишься, зазеваешься, а у меня на кровати такие прекрасные мягкие подушки... и руки у меня сильные...

О черт. О чем она думает? Какие подушки?! Даже если ей удастся придушить мерзавца, ее же саму за это убьют! Сошлют на каторгу, что еще хуже! И никакой юрист не поможет. Нет, нет, надо как-то это пережить. Перетерпеть. Без истерики и агрессии.

Ненавижу. Как же я вас всех ненавижу!..

Мерзавец молча шел следом, ощупывая и раздевая Матильду взглядом. Давя на психику. И у него это отлично получалось. Потому что когда он дотронулся до нее – уже в комнате, едва зайдя – она вздрогнула и едва не заорала. То есть вскрикнула, но тут же задавила крик и заставила себя замереть, не пытаться спрятаться от него под кровать или выпрыгнуть в окно. Зарешеченное, кстати. Художественнойковки решетки, с амурчиками.

– Прямо святая невинность. Неужели ты даже краснеть не разучилась? – Мерзавец развернул Матильду к себе лицом и медленно, с нескрываемым наслаждением провел пальцами по горячей щеке.

Подавив отчаянное желание зажмуриться и врезать ему по яйцам (по глазам видно было – примерно этого он и ожидает, даже надеется на сопротивление), Матильда глубоко вдохнула, смущенно потупилась и облизала пересохшие губы. Мерзавец хмыкнул. Недоверчиво.

– Не пытайся быть хорошей девочкой, все равно у тебя не выйдет.

– Отчего же, мсье, – хрипло от желания убить извращенца на месте возразила Матильда. – Я могу быть очень послушной. Как куколка.

Кажется, она не справилась с голосом, потому что мерзавец чертовски довольно усмехнулся – и рванул ее платье вниз, обнажая грудь.

Матильда вздрогнула, попыталась отступить и машинально прикрылась руками. В голове билось отчаянное: терпи, терпи!

– Прелестно, просто прелестно! Ну-ка, раздевайся, куколка. Хочу на тебя посмотреть.

«А торшером по голове не хочешь?» – чуть было не брякнула Матильда, но вовремя прикусила язык. Снова глубоко вдохнула, напомнила себе, что сопротивление лишь раззадоривает извращенца, и почти заставила себя потянуть платье вниз... а потом что-то внутри оборвалось. Со звоном. Оглушительно громким звоном. И Матильда, схватив торшер, набросилась на чертова мага, что-то крича и пытаясь огреть его по голове... Кажется, ей даже удалось его ударить прежде, чем торшер вырвали из ее рук, а ее саму повалили на кровать, прижали всем весом и принялись сдирать с нее остатки платья. Она брыкалась, орала, кусалась, пыталась вывернуться из-под мерзавца – бесполезно. В конце концов она осталась в одних лишь чулках, со скрученными и привязанными к изголовью обрывком ее же нижней юбки руками. Ноги были прижаты к постели его ногами, а в живот упиралось твердое и горячее. Пока – сквозь ткань.

Матильда зажмурилась и замерла, крупно дрожа и шепча сорванным голосом:

– Чтоб ты сдох, чтоб ты сдох...

– Мм... красотка. – От мурлыкающего голоса чертова извращенца ее передернуло, но глаз она не открыла. – Не брыкайся, а то и ноги привяжу.

– Да иди ты! – Матильда попыталась его пнуть, но он только засмеялся.

И поднялся, оставив ее лежать.

Разумеется, она тут же дернулась, пытаясь освободить руки, но только содрала кожу на запястьях. Из глаз брызнули злые слезы.

– Прелестная куколка. – Матильду одобрительно похлопали по бедру и снова засмеялись, когда она дернулась. – Люблю горячих девочек.

Судя по шелесту ткани, какому-то скрипу и стуку, он раздевался. А Матильда плакала от злости и бессилия. Ей не было страшно. Смысл бояться, когда ты уже однажды умерла? Если он ее покалечит – и черт с ним, с проклятым новым миром. Калеккой она жить не останется.

Убьет – тем более плевать, тогда все скоро закончится. Вот только напоследок она как-нибудь извернется и что-нибудь ему откусит.

Лишь бы уже скорее все закончилось!

Шелест ткани стих – мерзавец разделся.

Матильда зажмурилась крепче и постаралась расслабить сведенные злостью и адреналином мышцы. Как там звучит совет жертвам насилия? Расслабьтесь и получите удовольствие? Насчет удовольствия она крепко сомневалась, она и от нормального-то секса по обоюдному согласию его никогда толком не получала. Массаж спины и то был приятнее, чем эта дурацкая возня. А уж сейчас... Впрочем, если ему хватило драки перед сексом, то сейчас все будет быстро.

Ну? Что его не слышно? Все упало?

Еще несколько секунд подождав, Матильда все же открыла глаза. И тихо выругалась.

Мерзавец, совершенно голый, сидел в кресле, разглядывал ее и пил вино из пузатого бокала. Выглядел он неприлично довольным.

– Надо же, открыла глазки, – хмыкнул он... и на Матильду накатила волна жара.

Даже не так. Не накатила, а зародилась где-то внутри, прокатилась по всему телу вибрирующей волной и оставила после себя горячую душную истому и голод. Совершенно определенный сексуальный голод.

– Какого черта вы творите? – просипела она, сжав бедра: между ног все пульсировал и горело.

– Я предпочитаю взаимное удовольствие, куколка, – криво усмехнулся маг и поднялся с кресла.

Матильда очень хотела снова зажмуриться или отвернуться, но не могла. Ее взгляд прилип к поджарому мужскому телу, влажный жар между ног сделался нестерпимым. Бессильная злость кипела в ней, переплавлялась в желание, в требование, в необходимость секса. Этот невзрачный, серый человек сейчас казался ей Аполлоном Бельведерским, Расселом Кроу и Микки Рурком в одном флаконе.

– Не надо, – попросила она, цепляясь за остатки ускользающего разума, – отпустите меня! Я сама...

– Конечно сама, куколка. – Он сел рядом на постель.

От близости мужского тела Матильда задрожала и потянулась к нему, отчаянно ненавидя себя за слабость и его – за извращенное насилие. А когда он накрыл ее грудь горячей ладонью, застонала от пронзившего тело удовольствия.

– Пожалуйста, мсье, прошу, отпустите!..

– Ты хочешь именно этого? – он склонился над ней, почти касаясь ее рта губами.

– Да! Нет!.. Прошу вас!.. – сознание ускользало, оставляя Матильду во власти основного инстинкта.

– О чем просишь, девочка? Ну? – Его глаза горели темным огнем, Матильде было безумно страшно и в то же время все равно, что с ней будет дальше, лишь бы утих сжигающий ее голод.

– Сделайте это, пожалуйста, – вытолкнула она пересохшими губами и потянулась к нему. – Пожалуйста!

И когда он наконец накрыл ее губы поцелуем, застонала: от голода, от облегчения, от надежды на скорое освобождение – и от сумасшедшего, болезненного наслаждения.

Она даже не заметила, как он освободил ее руки. Просто в какой-то момент она вцепилась пальцами в его плечи, чтобы быть еще ближе, чтобы он входил еще глубже, чтобы рождающаяся в ней сверхновая сияла еще ярче...

Она орала. Она требовала еще. Она кусалась и царапалась. Она подавалась навстречу и терлась лицом о его руки. Она прыгала на нем сверху, рыча и плача. Она падала, обессилив, и

просила холодной воды – и снова пила его поцелуи, ласкала ненавистное тело, отдавалась ему и брала еще, еще и еще, пока не провалилась в спасительную темноту, не в силах ни думать, ни шевелиться. И уже сквозь сон услышала, как в дверь постучали.

Глава 6, безумству храбрых

Брийо, «Дом сбывшихся желаний»

Матильда

А через мгновение ее окатили ледяной водой и велели:

– Просыпайся.

То есть ей показалось, что через мгновение. Судя по тому, что чертов извращенец был одет, бодр и свеж, а в комнате сногшибательно пахло говяжьим рагу с базиликом, прошло не меньше получаса.

– Какого хрена? – пробормотала Матильда, с трудом заставляя себя пошевелиться: по телу разлилась сытая лень, оно желало лишь спать, спать и спать. А потом жрать, словить еще полдюжины оргазмов и опять спать.

Обругав себя (или свое тело?) помойной кошкой, Матильда утерла мокрое лицо краем простыни и замоталась в нее же. В отличие от маньяка, она так и осталась голой.

– О-ля-ля, какие неизящные выражения! Подобаает ли княгине? – ухмыльнулся Д'Амарьяк, разглядывая Матильду, как энтомолог редкую бабочку.

От слова «княгиня» она вздрогнула и едва подавила желание спрятаться под кровать.

– Да иди ты! – огрызнулась она и закуталась в простыню плотнее.

Хреновая защита, но другой у нее не было – ни от страха перед его неожиданной осведомленностью, ни от пронизывающего взгляда.

– То есть обедать со мной ты не будешь? – Он отошел от кровати, повернувшись к Матильде спиной. – Ну и не надо. А я что-то голоден.

– Приятно подавиться, – буркнула ему вслед Матильда, против всякой логики надеясь, что он сейчас уйдет, и она сможет хотя бы вволю поплакать и побить посуду.

Разумеется, маньяк ушел недалеко, лишь до накрытого на одну персону столика, где под серебряными крышками ждал его обед.

От вида единственного столового прибора Матильду разобрала злость.

– То есть ты и не рассчитывал на согласие?

Она вскочила с кровати, придерживая простыню у горла. Тело отозвалось болью в потянутых мышцах и натертой коже, голова закружилась.

– Благородной даме в двусмысленной ситуации положено страдать, а не набивать брюхо. – Тон его был издевательским в высшей степени, а от запаха рагу из-под серебряной крышки, поднятой нарочито медленно, у Матильды рот наполнился слюной.

Хорошо бы, ядовитой слюной. Плюнешь в маньяка – и нет маньяка. Мечты, мечты.

– Благородному шевалье стоит быть последовательным, – она задрала нос и горделиво, стараясь не морщиться от боли в паху, прошествовала к столику и уселась на второй стул, напротив Д'Амарьяка. – Я принимаю твоё любезное приглашение.

Маньяк поцокал языком, глядя на нее.

– Ты совсем дура?

– Интересный вывод, – надменно улыбнулась Матильда, взяла из корзинки пышную белую булочку, понюхала ее и тоже поцокала языком. – Для тебя Жозефина тоже посылает за обедом к Пьеру?

Ей стоило гигантских усилий вести себя как наглой стерве, но плакать и страдать она не могла себе позволить. Только не перед тем, кто знает о ее тайном браке! А значит, пришел в бордель не только за телесными удовольствиями. Так вот. Удовольствия видеть ее сломанной Матильда ему не доставит.

– Об этом спрашивай Жозефину. – Маньяк растянул губы в жутенькой улыбке. – Пожалуй, теперь я понимаю, почему Товиль счел тебя урожденной дворянкой. Хотя я склоняюсь к мнению, что дурости в тебе больше, чем дворянской крови.

– Дурной тон обсуждать даму, даже не позаботившись о приборе для нее, – задавив на корню желание надеть маньяку на голову супницу, а потом с паническими воплями сбежать из борделя, Матильда протянула руку к колокольчику и позвонила. Громко. Уверенно. – Я голодна. Кстати, тебе не мешало бы представиться.

– Шевалье Жорж Д'Амарьяк, командор ордена Белой Лилии. – Маньяк издевательски поклонился.

А Матильда недоуменно пожала плечами.

– Это должно звучать гордо?

Маньяк на миг завис, а потом рассмеялся. От его смеха Матильду передернуло.

– Изумительно! Ты даже не знаешь, что такое орден Белой Лилии!

– Не сильна в теологии.

– О темные ангелы! Как можно не знать, что рыцари Белой Лилии хранят покой и безопасность государства?

Матильда снова пожала плечами:

– Вот так и можно. Раз уж ты знаешь мою историю... от Фифи, надо полагать?

Маньяк от госбезопасности вместо ответа неопределенно ухмыльнулся. Конечно-конечно, не хочет выдавать ни грана информации. Как будто здесь есть какая-то тайна!

– Значит, Фифи тебе все и рассказала, – кивнула Матильда и обернулась к двери: в нее стучали. – Открыто!

– Что угодно шевалье? – горничная, та, что постарше, присела в книксене. На Матильду она не смотрела, только на Д'Амарьяка – с плохо скрываемым страхом.

– Второй прибор, – велела Матильда «профессорским» тоном, – и лимонной воды.

От неожиданности горничная присела еще раз, зыркнула сначала на Матильду, потом на невозмутимого Д'Амарьяка и неуверенно спросила:

– Кувшин?

– Большой кувшин, – тем же профессорским тоном уточнила Матильда.

Присев еще раз, горничная ушла. А Матильда про себя выдохнула: ура, навык работает! Она – все еще она, кандидат наук и доцент исторической кафедры Оль Санна Скворцова, а не бордельная дурочка, в чем после сегодняшнего сексуального марафона она крепко усомнилась.

– Неплохо, неплохо, – кивнул маньяк. – Ты будешь мне полезна.

– Если ты будешь полезен мне. – Матильда еще выше задрала подбородок, про себя подумав: ах ты, сукин сын! Мало тебе трахать меня в мозг, тебе надо еще, чтобы я на тебя работала! Да чтоб ты собственной магией подавился, да чтоб у тебя все отсохло!

Маньяк снова рассмеялся, холодно и страшно. Так страшно, что ради того, чтобы не стучать зубами, Матильда впилась ими в булочку.

– Изумительная наглость, – отсмеявшись, констатировал он и глянул на Матильду так, что она едва не подавилась. – Так вот, шлюшка, ты будешь мне рассказывать обо всех своих клиентах. Подробно. Все разговоры, все подробности.

– Не вопрос. Полный отчет о позах, вздохах, количестве выпитого и проблемах потенции ты можешь получать хоть каждый день.

– Твои шутки мне надоели. – Маньяк нахмурился, и Матильде резко захотелось откусить себе язык. Вот зачем она полезла в бутылку? Зачем?! Сидела бы тихо, плакала и тряслась от страха, авось бы ему стало неинтересно! Дура, боже мой, какая она дура!

– Надоело – дверь там, – выплонула Матильда, отбросив надкусанную булочку. – Я тебе не навязывалась.

Вокруг Д'Амарьяка за клубилась уже знакомая грязно-багровая дымка, потянувшись к Матильде, ощупала ее – прикосновения напоминали болотную мошку, такие же легкие, непредсказуемые и омерзительные. И такие же всепроникающие: в волосы, в нос, под простыню, даже между ног. Боже мой, какая гадость!

Матильда не выдержала, поморщилась и отмахнулась от особенно назойливо лезущего в глаза шупальца. И с удивлением поняла, что прикосновения, да и видимая дымка исчезли. А маньяк смотрит на нее с новым интересом.

– Похоже, Фифи рассказала мне не все. Не слишком умно с ее стороны. – Он растянул губы в улыбке. – Значит, расскажешь ты. Для начала...

В дверь постучали.

– Открыто, – недовольно отозвался маньяк.

– Прибор и лимонная вода, шевалье, – в комнату зашла горничная, быстро расставила все на столе и вопросительно глянула на маньяка. – Что-то еще?

Жестом показав ей, чтобы убиралась, он дождался хлопка закрывающейся двери и продолжил:

– Для начала мы все же пообедаем. Приятного аппетита, княгиня.

– Приятного аппетита, – невыразительно отозвалась Матильда и, велев себе не дрожать, не плакать и не пытаться сбежать в окно, потянувшись к крышке супницы.

Обед прошел в молчании. Тягостном. Почти похоронном. Впрочем, Д'Амарьяк им не тяготился и отсутствием аппетита не страдал. Вслед за ним и Матильда немножко успокоилась, распробовала вкуснейший луковый суп, а потом, как-то незаметно, еда закончилась.

– Мне нравятся девушки с хорошим аппетитом, – почти добродушно усмехнулся Д'Амарьяк, откидываясь на спинку кресла. – А теперь десерт, дорогуша. Что ты помнишь о своем прошлом?

– Ты о том, что было до того, как мсье Товиль любезно снял с меня проклятие?

– Именно.

– Почти ничего, – ответила Матильда честно. Ей вообще очень не хотелось врать маньяку, откуда-то она знала, что он раскусит любое вранье на счет «раз». – Очень смутно прошлый вечер, свадьбу с князем, пьянку и пробуждение утром. А раньше – вообще ничего. То есть я помню, как зовут других девиц из борделя, что я хотела красное платье, и все. Наверное, если я увижу кого-то из той жизни, я его узнаю, но я не уверена.

– Магия?

– Что магия?

– Ты умеешь пользоваться магией?

– Нет. Никогда не думала даже, что у меня может быть магический дар.

– М-да, не густо. Так, а что с Товилем? Вы встречались раньше? Он твой постоянный клиент?

– Не встречались. Мне кажется, я впервые его увидела тем вечером.

– Андре Волков?

– Встречались, он приходил в бордель Фифи. Не помню, чтобы он брал меня, но я определенно несколько раз видела его в зале.

– Одного или с друзьями?

Матильда пожала плечами:

– Не помню. Все очень смутно.

Д'Амарьяк разочарованно дернул ртом и взялся за бокал с вином. Матильда с облегчением налила себе лимонной воды и выпила до дна, в горле отчаянно пересохло.

– Будь внимательна, девочка. Хорошенько все запоминай, чтобы в следующий раз тебе было что мне рассказать интересного. – Он чуть подался вперед, глядя на Матильду темными, страшными глазами почти без белков. Багровая дымка снова вилась вокруг него. – Если ты не расскажешь ничего интересно, я буду очень недоволен.

Ей опять хотелось то ли удрать, то ли огреть его торшером, то ли открыть рот и завопить, как пароходная сирена. Но она сдержалась. Даже сумела поставить свой бокал, не разбив его, и тоже податься навстречу.

– А ты хорошо подумай, кто тебе полезнее: еще одна перепуганная насмерть дура или кто-то, способный задавать нужные вопросы нужным людям и получать на них интересные ответы, – сказала она ровно и невыразительно.

Он не ответил. Встал из-за стола, бросил на кресло салфетку и ушел, даже не попрощавшись.

Хлопнула дверь.

Прозвучали удаляющиеся шаги.

И только когда они затихли, Матильда закрыла лицо ладонями, сползла под стол и тихо завывала от ужаса и отчаяния.

Долго страдать ей не дала Жозефина. Не прошло и пяти минут, как она без стука вошла в комнату, оценила последствия визита Д'Амарьяка и оттащила Матильду в ванну. За волосы (иначе бы не вышло, роста они были примерно одинакового). И только когда на нее полилась ледяная вода, Матильда очнулась и заткнулась. Вытерпела контрастный душ, завернулась в поданное Жозефиной полотенце и уже почти спокойно вернулась вслед за ней в комнату.

Только тогда она заметила новое платье, принесенное Жозефиной. Сдержанно-синее, с черной кружевной отделкой и приличным декольте. Приличным – это значит, ареолы сосков не будут торчать наружу, как у большинства веселых девиц. Впрочем, не только веселых. В этом веке и благородные дамы не стеснялись показывать грудь.

– Отомри, – велела ей Жозефина, и Матильда осознала, что уже не меньше минуты держит платье в руках.

– Отмерла, – вздохнула Матильда. По идее, сейчас было самое время закатить Жозефине истерику на тему «ты меня подставила», но толку? Тем более что не подставила, а не смогла защитить от маньяка. – Этот сукин сын часто приходит?

– Редко, но метко, – поморщилась Жозефина. – Ты зря его раздражила. Послушных он больше не трогает, а ты ему понравилась.

Матильда на миг зажмурилась и снова пожелала маньяку сдохнуть в корчах. Жаль, она не ведьма и не может его хорошенько проклясть!

– Не вздумай! – В голосе Жозефины проскользнул страх. – Выброси эти мысли из головы, пока не вляпалась.

– Какие еще мысли?

– Которые у тебя на лбу написаны! О том, чтобы купить для него проклятие. Слышишь? Не выйдет. Он темный маг, охраняет Единый. – Жозефина перекружилась (для Матильды слово, означающее «наложила на себя святой круг» звучало странно, но одновременно привычно).

– Да я и не думала ничего для него покупать, – передернула плечами Матильда. – Если бы его брали покупные проклятия, он бы не дослужился до командора.

– Именно! Так, ты поела? – Жозефина окинула взглядом неубранный стол. – Хорошо. Давай, быстро одевайся, и в зал. Гости уже валом валят, через полчаса начало представления.

Матильда сжалась, обняв плечи руками. От мысли, что придется идти в зал, и там ее будут разглядывать, лапать и наверняка снова потащат в номера, ее чуть не стошнило.

– Нет, – выдавила она. – Ни за что.

– Через четверть часа ты будешь в зале. – Тон Жозефины стал жестким. – Или одетая, или раздетая. Выбор за тобой.

– Нет! – вскинулась Матильда. – Ты не можешь!.. Ты обещала!

Жозефина лишь пожала плечами:

– Время пошло, – развернулась и вышла.

– Черт вас всех подери!

Кипя от злости, Матильда швырнула кувшином в дверь и упала на кровать, прямо на скомканные, пахнущие сексом простыни. Из глаз снова полились слезы, но на сей раз – злости. Она отомстит! Она им всем покажет! И Жозефине, и маньяку, и нотариусу, и Фифи, всем! Она... она... нет, она не пойдет искать нелегальную ведьму, с шарлатанами связываться – себе дороже. Она сама... у нее же есть дар! Непонятно пока какой и что с ним делать... И мозги у нее есть! И характер! Черта с два сукины дети ее сломают!..

Через четверть часа Матильда вышла из своей комнаты. Умытая, одетая, причесанная и накрашенная. Мало того, в полумаске, вырезанной из нижней юбки – черной, плотного шелка. Для начала она заглянула в комнату, превращенную в гримерку для девиц. Там царили бедлам и переполох: кто-то у кого-то потырил шаровары, кто-то кому-то неправильно заплел волосы, кто-то заляпал пиратскую рубашку помадой. В общем, нормальный рабочий процесс.

– Мадам? – обернулась к ней одна из девиц, Матильда не успела еще всех запомнить по именам. На обращение «мадам» она даже не отреагировала, только мимоходом заметила: девицы уже считают ее начальством, хорошо. – У нас ничего не выйдет, мадам!

– Отставить панику на борту! Дружно перекружились, помолились Единому и темным ангелам, и вперед! – включила Матильда тон «классный руководитель перед олимпиадой». – Плевать на помаду, Лулу, ты обворожительна! Готовьтесь, сейчас будем начинать.

– Мими... – ее тронула за рукав Лулу. – Правда, что он страшный?

– Кто? – Матильда сделала вид, что не поняла.

– Ну этот, шевалье... – Лулу понизила голос. – Из Ордена.

– Импотенты страшными не бывают, – громко и внятно ответила Матильда. – Мужчина, который ничего не может без магии, не мужчина, а так. Тряпочка.

Девицы, насторожившие ушки, тихонько захихикали и начали перешептываться, а Матильда мысленно разрешила себе взять с полки пирожок. От сплетен маньяка не защитит ни темная магия, ни звание командора.

– Мими, вот ты где! – В гримерку вломился Сальваторе: растрепанный, по-прежнему измазанный краской, с дикими глазами. – Мими, они не дали мне закончить! Они трогают роспись руками... О Единый, это варвары, а не люди!

– Вот тебя мне и надо, благородный дон, – нехорошо обрадовалась Матильда. – Девочки, дайте кто-нибудь платок и вон ту саблю.

– Мими, что ты делаешь?..

– Благородного дона капитана, что ж еще. Черный грим и кисть мне, быстро!

Общими усилиями Сальваторе за две минуты превратили в заправского пирата, а заодно девочки переключились с паники на полезное дело. Так что когда в гримерку заглянула Жозефина, все было почти готово.

– Ну?

– Мы уже идем. Музыка, где музыка?

Выглянув из гримерки, Жозефина сделала повелительный жест, и раздался барабанный рокот. Публика в зале сначала затихла, а потом зааплодировала и засвистела.

А Матильда, схватив Сальваторе за руку, потащила его на помост, превращенный в палубу пиратского брига.

– Полундра! – крикнула Матильда, выхватила у Сальваторе бутафорскую саблю и взмахнула ею в воздухе. – Свистать всех наверх! Господа, это пиратское нападение, всем сохранять спокойствие и приготовиться к ограблению!

– Полундра! На абордаж! – завопили девицы и высыпали на «палубу».

Публика приветствовала их топотом, свистом и звоном бокалов. А Матильда, убедившись, что все идет по плану, вернула саблю Сальваторе, приняла поданную им руку и спустилась в зал.

– Ты... ты ошеломительна, Мими. – Во взгляде юного гения светилось восхищение. – Надо за это выпить!

– Надо, – согласилась Матильда. – Надеюсь, тут найдется свободный столик.

– Вряд ли, – покачал головой Сальваторе, оглядев зал. – Разве что... – Он потянул Матильду к столику, занятому какими-то подозрительно молодо и бедно выглядящими мужчинами. Никак местная богема.

– Твои друзья?

– Да, идем!

Господа художники оказались приятной компанией, а главное, совершенно не походили на маньяка от ГБ. Молодые, веселые, уже слегка пьяные и восторженные, они целовали Матильде руки, сыпали комплиментами... и, к ее удивлению и облегчению, никто из них даже не попытался ущипнуть ее за задницу или позвать в номера. Вот других девиц они очень даже щупали, а Лулу один из них, бородастый скульптор, усадил к себе на колени.

– Сальваторе, что ты им обо мне сказал? – Выбрав момент, Матильда склонилась к его уху.

– Правду и только правду! – просиял юный гений. – Что ты – благородная дама инкогнито, гениальный режиссер и дизайнер, моя муза и вечная любовь!

– О боже... благородная дама-то зачем?

– Как зачем? – Гений искренне возмущился. – Пусть завидуют!

«Ох уж эти художники!» – засмеялась Матильда про себя, а вслух сказала:

– Надо за это выпить!

И они выпили, затем еще разок, и еще... Матильда сама не заметила, как рассказала парочку «свежих» анекдотов родом из своего мира и что-то ляпнула про мужчин, которые не мужчины... а потом прозвучало имя Жоржа Д'Амарьяка, и кто-то из собутыльников взялся рисовать «портрет импотента» – очень узнаваемый шарж, вот прямо как с натуры писали!

Мальчишка в форме посыльного появился у стола, когда шарж уже пошел гулять по залу, сопровождаемый шушуканьем и взрывами смеха.

– Вы Мими? – Мальчишка уставился на нее сердито и устало.

– Э?... – Матильда не сразу отреагировала на непривычное имя, но все же кивнула.

– Скажите-ка мне свою фамилию, иначе письмо не отдам!

– Вслух не скажу! – заупрямилась Матильда, толком не понимая почему.

– Не скажет, она инкогнито! Видишь маску, пацан? У нас все серьезно! – грозно сжимая эфес бутафорской сабли, поддержал ее Сальваторе.

– Не пугай мальчика, благородный дон, – вступилась за посыльного Матильда. – Иди сюда, на ушко скажу.

Мальчишка со вздохом подошел ближе, и Матильда услышала, как у него урчит в животе.

– Ох, мальчик голодный! Вот, на тебе, – она забрала со стола последний целый пирожок и вручила посыльному. – А теперь скажу, а вы не подслушивайте!

Шепнув на ухо мальчишке фамилию «Волкова», она погрозила пальцем господам художникам. Ясно же дело, они все как один насторожили уши!

– Вот ваше письмо, мадемуазель! – Мальчишка, одной рукой крепко держа пирожок, второй достал конверт, запечатанный сургучом. – Пять бор... э-э-э... заведений обошел, вас искал! И все пешком!

– Ох, бедняжка! – Матильда чуть не прослезилась. – Эй, Поль, отдай бутылку, отдай, кому говорю! Вот, выпей за здоровье императора.

– Спасибо, добрая мадемуазель! Непременно! – радостно ухватил бутылку папан и сбежал. Да так быстро, что Матильда даже не успела спросить, от кого письмо. Впрочем, на конверте вроде что-то написано?

«Лично в руки М. от Т.», – значилось на конверте.

– Товиль! Боже, наконец-то!.. – Она вскрыла конверт столовым ножом и отмахнулась от любопытного гения, тут же попытавшегося сунуть в бумажку нос.

«Все лучше, чем мы думали. Скоро ты будешь состоятельной и свободной. Задержусь на несколько дней и приду с хорошими новостями. Т.»

– Кто такой Т.? – пробасил за ее спиной бородатый скульптор.

– Тот-кого-нельзя-называть! Тсс! – Матильда приложила палец к губам и перевернула записку пустой стороной вверх.

– Оч-чень выс-сокос... поса... поста... особа, да! Сам мсье Т.! – глубокомысленно изрек Сальваторе. – Надо за это выпить!

Глава 7, о ветре перемен

Брийо, столица Франкии

Матильда

Громкий успех шоу, удачно запущенная сплетня и душевные посиделки с доном Сальваторе заставили поблекнуть отвратительные воспоминания о шевалье Маньяке. Матильда, разумеется, планировала ему как следует отомстить, но твердо решила не страдать по этому поводу. Хотя бы до тех пор, пока судьба снова их не столкнет.

Пока, то есть целых три дня, не сталкивала. Видимо, у шевалье Маньяка были другие дела – и слава Единому!

А Матильда, получив от Жозефины премию в три золотых, отправилась обновлять гардероб. Конечно, по сравнению с доходом от шоу три золотых были сущей мелочью, но Матильда рассматривала недополученную прибыль как вклад в будущее. Еще несколько дней, и мсье Товиль придет с деньгами, она выкупит свой контракт и предложит Жозефине партнерство уже на других условиях.

– Будем рады видеть вас снова, мадемуазель! – Швейцар открыл перед ней дверь салона мадам Орли, одной из самых модных портних столицы.

Улыбнувшись ему, Матильда не удержалась, оглядела свое отражение в стеклянной витрине. Миниатюрна, изящна, строгое платье подчеркивает талию, шляпка с густой вуалью скрывает верхнюю часть лица не хуже маски, руки затянуты в шелковые перчатки, в руках – вышитый фиалками ридикюль. В меру скромная, в меру игривая мадемуазель, истинная парижанка! То есть брийонка. И у нее даже есть время посмотреть город! До начала вечернего представления три часа!

Правда, по возвращении ее ждет неприятный разговор с Жозефиной. Еще утром мадам намекнула, что устройство шоу – прекрасно, но недостаточно, и пора бы Матильде начать отрабатывать свой контракт. Матильду этот намек не обрадовал, но скандалить при всех ей не хотелось. Что ж, еще немножко прогулки по городу и положительных эмоций – и она будет готова отстаивать свои интересы. Благо она вполне способна оценить прибыль от своего шоу.

Неспешно прогуливаясь и разглядывая витрины, Матильда зацепилась взглядом за отражение высокого стройного мужчины в черной полумаске. Он пристально смотрел на нее.

Она машинально послала ему вежливую улыбку и продолжила путь.

– Мадемуазель? – позвал ее незнакомец. – Мими?

В его голосе слышалось удивление.

Матильда раздосадовано прикусила губу. Плохо, что ее узнают на улице! Она оставила бордель мадам Фифи позади и не собирается к нему возвращаться. никоим образом.

Матильда медленно обернулась, гордо вскинула голову.

– Вы ошиблись, мсье, – с этими словами она направилась к стоящему у обочины извозчику. Кучер распахнул перед Матильдой дверцу, и она, едва касаясь поданной руки кончиками пальцев, грациозно впорхнула в коляску.

– Простите, мадемуазель, я действительно ошибся, – пробормотал незнакомец, провожая Матильду задумчивым взглядом. – Но как похожа!

Матильда же моментально выбросила его из головы. Она откинулась на мягкий бархат сиденья и задумалась. Если Товиль сможет выбить для нее компенсацию, то... Ох, думать об

этом было страшно, чтобы потом не разочароваться. Хотя за последние дни Матильда изучила контингент посетителей и поняла, как ей повезло, что Фифи испугалась и продала ее контракт. Заведение мадам Жозефины не обслуживало солдатню, только офицеров и богатых горожан. Ее девочки умели петь, танцевать и даже немного знали этикет, по крайней мере, не путали вашу светлость и вашу честь.

Интересно, а ходят ли к Жозефине банкиры? Вот с кем бы Матильда пообщалась. Не в постели! Если денег от Товиля не хватит для вклада в бизнес, то наверняка можно договориться о кредите. Лишь бы здесь были не такие грабительские проценты, как в просвещенной Европе восемнадцатого века.

Внезапно коляска остановилась, снаружи послышался гомон толпы и гневные выкрики.

– Что такое? – спросила Матильда, выглядывая в окошко.

– Казнь, мадемуазель, – ответил кучер. – Ведьму жгут.

– Жгут? – переспросила Матильда. Как жгут, у них же работает ведьма, и вполне легально? Что за мракобесие!

Тут раздался пронзительный нечеловеческий вопль, толпа заволновалась, и потянуло гарью. Боже! Они ее заживо жгут? Ужас какой!

– Как велит Светлая Церковь. Некроманты – злокозненные порождения Тьмы! Вот пусть и отправляются во Тьму Безначальную!

– Трогай, поехали отсюда!

– Так казнь же, неужто мадемуазель не желает посмотреть?

– Не желает. Отвратительное зрелище!

– Как знаете. Но, пошла!

– А скажи-ка мне, любезный, – Матильда попыталась хоть чем-то заглушить вопли несчастной ведьмы. – Что за некроманты такие? И что, все ведьмы – некромантки?

– Скажете тоже, мадемуазель! Только те, что без патента и без покровителя. Вот ежели поймают такую, непременно сожгут! – Кучер благочестиво осенил себя кругом. – Может она, конечно, и не совсем некромантка, но заступиться-то некому. А некромантки, говорят, богатые все. Они ж с покойниками разговаривают! Клады небось ведают! Вот повезло тому, кто на нее донес инквизиции...

– А что за интерес доносчику?

– Так ведьму забрали, а доносчику – премия. И в дом можно забраться, он же становится ничей.

– Как ничей? Родственники же. Дети. Муж, наконец.

– Кто ж некромантку замуж возьмет? Одинокие они. И дети у них от демонов! Их жрецы забирают на перевоспитание.

Мракобесие! Магия по патентам – и ведьмы на костре, боже, что это за ужасный мир?!

– Да вы не переживайте так, мадемуазель. Не бывает у некроманток детей-то. Они младенцев воруют и режут на свои нечестивые зелья. Особенно своих, да! Говорят, если с некроманткой лечь, все отсохнет. Потому что они силу мужскую отнимают, вот!

– И благородную даму могут на костер?

– Ну вы сказали, мадемуазель, кто же благородную али богатую на костер? Коли деньги есть, проклятый дар запечатают, и дело с концом. Вот разве что совсем сильна и печать поломает, тогда... эта... удавят ее по-тихому, но не на костер, нет. Это ж позор всей семье!

Крики несчастной ведьмы по-прежнему резали уши, и Матильда зажала их руками.

– Езжай поскорее! Не могу это слышать!

Боже! Она никогда не забудет этот запах, радостные вопли толпы и звериный вопль несчастной! Черт побери! Если в этом мире не выжить слабой женщине без сильного покровителя, значит, она найдет себе такого! Потому что жить хочется очень сильно. Жить, дышать,

родить детей. Сохранить это молодое здоровое тело, подарок судьбы, богов или дьявола, да какое это имеет значение? Ей дали шанс, и она его не упустит!

Словно в резонанс настроению Матильды испортилась погода. Когда подъезжали к заведению мадам Жозефины, поднялся ветер и начался дождь. Кучер, принимая деньги за поездку, все осенял себя кругом и бормотал о проклятых ведьмах, насылающих грозу и ураган.

– Прекрати! Чушь это, не может мертвая женщина наслать грозу! – возмутилась Матильда.

Но кучер одарил ее таким взглядом, что она поняла: еще слово, и следующий донос будет на нее. А то что это мадемуазель защищает ведьму? Не иначе сама такая!

На всякий случай Матильда перекружилась тоже – и припустила к подъезду, придерживая шляпку двумя руками, чтобы не унесло.

И лишь влетев в общий зал, оценила собственную глупость. Зал был полон, несмотря на раннее время. Мужчины пили, ели, щупали девиц, смеялись и обсуждали какие-то свои дела, и все как один ждали представления.

– А, вернулась! – Жанетта, в компании Лулу охмуряющая сидящего за ближним столиком клиента, помахала ей рукой. – Мадам о тебе спрашивала.

– Мими? – обернулся к ней толстопузый мсье с обширной лысиной и добрейшей улыбкой.

Матильда вздрогнула и машинально ощупала вуаль, на месте ли? Вуаль по-прежнему прикрывала лицо, но мсье все равно ее узнал. Не иначе как по вуали, больше здесь никто лица не прячет. Сатир старый! Мало ему Жанетты и Лулу! И пусть даже не думает требовать Матильду, она не обслуживает клиентов в номерах. Нет – и точка!

– Какая ужасная гроза, мсье, не так ли? Я так их боюсь! – вежливо улыбнулась она, дефилируя мимо и проклиная собственную глупость: надо было заходить через черный ход, чтобы не попадаться на глаза публике.

– Ужасная, совершенно ужасная! – Мсье пиялился на нее, забыв о бокале вина, который держал в правой руке, и заднице Жанетты, на которую возложил левую. – Составьте мне компанию, Мими! Я вас утешу!

– Иди к нам, Мими! Мы утешим тебя лучше! – засмеялись несколько военных, оккупировавших столик под самыми парусами.

– Нет, к нам! Прелестница! – включились в игру двое богемного вида мсье.

– Прошу прощения, мсье, но я должна заняться представлением! – кокетливо повела плечами Матильда и сбежала, провожаемая щебетом девиц и смехом клиентов.

И лишь захлопнув за собой дверь во внутренние помещения, облегченно выдохнула и поправила шляпку. Все, больше она через парадный подъезд – ни ногой! Еще б немного, и ее поймали и... нет. После чертова шевалье Маньяка ей противно даже думать о сексе!

Жозефина была в кабинете, перебирала счета.

– Где тебя носит? – Она была не в духе.

– У мадам Орли. Что-то случилось?

– Она еще спрашивает! Что это за фокусы с шаржем на шевалье Д'Амарьяка? Ты хоть понимаешь, что он тебя одним пальцем разотрет, дуру?! – Жозефина бросила перед Матильдой свернутую газету. – Счастье, что здесь не упоминается наше заведение и твое имя, но не надо быть магом, чтобы понять, откуда ноги растут!

Жозефина нервно вскочила и принялась ходить по кабинету, обмахиваясь пачкой счетов.

– Мы тут ни при чем, – твердо заявила Матильда, разглядывая карикатуру. – Шевалье Д'Амарьяк редкостно неприятный тип, наверняка на него половина города имеет зуб.

– А под карающую длань попадем мы! Учти, Мими, когда он придет за тобой, я слова ему поперек не скажу! Нет, я сама ему тебя отдам! Ты понимаешь, что мы целиком и полностью от него зависим? Не только ты или я, все... Все, понимаешь ты это? Ему достаточно моргнуть, чтобы у нас отобрали лицензию, обвинили во всех грехах и отправили на каторгу!

Матильде стало стыдно. Все же подставлять Жозефину она вовсе не хотела, только немножко подпортить репутацию Маньяку. Кто ж знал, что мальчишки разнесут сплетню аж по бульварным газетам?

– Выпей воды, – Матильда сунула Жозефине под нос стакан. – И хватит метаться. Мы можем что-нибудь с этим сделать?

– Мы? – переспросила Жозефина, осушив стакан. – Нет никаких «мы» и не будет! Я не имею дела с опасными идиотками!

– Ну, значит, мы будем не партнерами, а конкурентами, – пожала плечами Матильда. – Ты, конечно же, не прогоришь от такой конкуренции, но вот прибыль пройдет мимо.

– Какая, к демонам, прибыль? Счастье, если мы отделаемся только штрафом!

– Перестань паниковать. Он что, и тебя в мозг изнасиловал?

Жозефина так выразительно передернула плечами и отвернулась, что Матильда поняла: изнасиловал, и не один раз. Чертов маньяк!

– Прости, я не хотела тебя задевать, – сбавила тон Матильда. – Но от того, что мы переполошимся как последние курицы, лучше не станет. Маньяк не из тех, кто со злости готов порушить сеть осведомителей.

– Как будто ты знаешь, на что он способен! – Жозефина так и не повернулась, продолжая невидяще смотреть в окно. – Если бы я могла хотя бы предположить, что тычинишь, я бы... да я бы тебя своими руками убила!

– Еще не поздно, – пожала плечами Матильда. – Предъявишь маньяку мой холодный труп, он его попинает и успокоится. Или не попинает, а отымеет?

– Идиотка! – Жозефина наконец развернулась к Матильде, и та чуть не прикусила язык от неожиданности: по щекам мадам катились крупные слезы. – Как ты можешь смеяться после... после того, что он с тобой сделал? Ты в самом деле умалишенная, права была Фифи!

– Может, и права. Слушай, мне правда очень жаль. Хочешь, я пойду к нему и покаюсь? Я скажу, что ты тут ни при чем!

Жозефина только покачала головой, явно не способная воспринимать ситуацию адекватно. Матильда и сама была перепугана до истерики, только в отличие от Жозефины она не плакала, а пыталась смеяться. Хватит уже, наплакалась!

– Иди в зал и работай. – Мадам с удивлением коснулась своей мокрой щеки и зло прищурилась на Матильду. – Иди, что стоишь? Хватит воображать себя особенной, ты такая же шлюха, как все! И если ты сегодня ничего не заработаешь – останешься завтра без еды.

– Нет, – Матильда сжала руки за спиной, чтобы ничего не разбить. – Я не буду обслуживать клиентов. Не так!

Жозефина яростно сверкнула глазами:

– Будешь упрячиться, продам тебя в самый поганый портовый бордель, по сравнению с которым сарай Фифи тебе раем покажется!

– Какого черта? Я даром сделала тебе представление, на которое клиенты валят валом! Заведение едва открылось, а уже ни одного свободного столика! Ты на одних только обедах уже заработала больше, чем за любую из предыдущих ночей! Ты видела – они все ждут чего-то новенького, едят и пьют, швыряются деньгами... И это – только начало! А ты из-за какой-то ерунды отказываешься от всего! Маньяк сделал из тебя тряпку!

– Да как ты смеешь! – Жозефина топнула ногой. – Я тебя вытащила из-под пьяных солдат, отмыла, одела!..

– Очистила от очисток, конечно-конечно! И уже окупила вложение в двадцать... да какие в двадцать, в пятьдесят раз! И позволяешь какому-то извращенцу вытирать о себя ноги!

– Ты ничего не понимаешь! – Жозефина вздрогнула и обхватила себя руками за плечи. – Он... он темный маг! Ты вообще представляешь, что это такое? Да он таких, как мы...

– На завтрак ест? А подавится! Вот ему! – Матильда показала двери средний палец и, плюнув на жалкие ошметки здравого смысла, обняла Жозефину. – Мы справимся, вместе мы обязательно справимся!

– Дура... – вздохнула Жозефина, но Матильду не оттолкнула. – Безумно везучая дура. Это твой дар, да? Ведьма сказала, у тебя есть какой-то дар... и это – не ум! Ты полная идиотка...

– Ладно, идиотка. Дура. Да хоть горшок! Только успокойся, не сделает он тебе ничего. Я обещаю, когда он придет – я сама с ним поговорю. Если что, он и мстить будет мне, а не тебе...

Матильда бы, наверное, еще долго успокаивала Жозефину, попутно гадая: какова роль Маньяка в процветании ее заведения? И чем, кроме информации, расплачивается Жозефина за свой успех. Но она не успела даже предложить ей выпить чего-нибудь покрепче воды, как в дверь сунулась горничная:

– Мадам, пришел капитан Драккар! – Судя по придыханию, капитан был минимум особой королевской крови.

– О темные ангелы! – встрепелась Жозефина и метнулась к зеркалу. – Какой кошмар, я похожа на пугало!.. Матильда! Иди к нему, быстро, и соври что-нибудь... скажи, я заболела.

– Жози, нет!..

– Да! Я всегда выхожу к нему сама, он... Темные ангелы, да ты даже не знаешь, кто это такой! Матильда, это сам капитан императорских гвардейцев! Он... Мы не можем потерять такого клиента! Дура! Он – лучший любовник из всех, кто у меня был, а я доверяю его тебе!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.